

мирѣ, но они не привели, впрочемъ, ни къ какому результату и прекратились въ мартѣ 1773 года. Яблокомъ раздора явился Крымъ, независимость котораго Турція не хотѣла признать, чего требовала Россія. Изъ рядовъ полка много повыхватывала себѣ жертвъ свирѣпствовавшая въ томъ году эпидемія моровой язвы или, какъ ее называли, «опасной болѣзи». Въ теченіи только 19 дней (съ 27 мая по 14 іюня) въ полку отъ нея умерло 23 человѣка; это видно изъ случайно дошедшей вѣдомости. Сколько погибло отъ нея въ теченіи всего времени, пока она гуляла въ странѣ,—неизвѣстно за неизмѣнимъ мѣсячныхъ рапортовъ. Но, вѣроятно, не мало, и годъ этотъ обошелся дороже, чѣмъ другіе съ ихъ сраженіями. Всякая эпидемія, и менѣе опасная моровой язвы, обыкновенно являлась тогда бичемъ для войскъ, такъ какъ санитарная часть въ арміи была въ самомъ жалкомъ состояніи, или, вѣрнѣе, ея даже и совсѣмъ не было. Въ полку былъ одинъ докторъ, было нѣсколько фельдшеровъ, но не было никакихъ средствъ для борьбы съ болѣзнями, кои предоставлялись по этому своему естественному теченію. Особенно въ неблагопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находилась кавалерія, которой приходилось быть въ постоянныхъ разъѣздахъ и участвовать въ легкихъ отрядахъ, гдѣ уже было некому подавать какую-либо помощь заболѣвавшимъ. И люди умирали, заражая другіхъ. Къ тому же мѣстность по теченію нижняго Дуная сама по себѣ очень не здорова, въ ней царятъ различныя тяжелыя лихорадки. Дунай весной разливается на большое пространство, вода наполняетъ все углубленія, гдѣ послѣ, подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, портится отъ гніющихъ въ ней растений и тѣмъ заражаетъ воздухъ. Лѣтомъ-же все ручьи, небольшія рѣчки и озера пересыхаютъ, и страна обращается въ пустыню, гдѣ днемъ господствуетъ сильный зной, а ночью отъ рѣчки сырость и холодъ. Эти рѣзкія перемѣны дурно от-

зываются обыкновенно на здоровьи людей, пришедшихъ съ сѣвера и не привыкшихъ къ тому.

Положеніе Харьковскаго полка, какъ и всѣхъ, впрочемъ, остальныхъ заставляло желать много. Продолжительность войны очень дурно отозвалась на его обмундированіи и снаряженіи. Все солдаты обносились, все изорвалось и все требовало капитальнаго ремонта. Теплой къ тому-же одежды не было совершенно, а зима того года, какъ нарочно, была очень суровая и продолжительная. Годовыя и амуничныя вещи были доставлены въ полкъ очень поздно, въ февралѣ слѣдующаго уже года, предъ открытіемъ кампаніи, такъ что пошить и исправить все не было возможности. Лошади, покупаемыя полкомъ для пополненія убыли, были плохого сорта и стоили очень дорого, благодаря большому на нихъ спросу, и полкъ къ открытію военныхъ дѣйствій былъ очень плохо одѣтъ и сидѣлъ на плохихъ и утомленныхъ лошадяхъ, вслѣдствіе большого недостатка въ фуражѣ.

Глава IV.

Переходъ черезъ Дунай.—Дѣло при Гуробалѣ.—Новое расписаніе арміи.—Сраженіе подъ Силистрією.—Отличіе Поручика Юнина.—Трофеи Харьковскаго полка.—Подвигъ Поручика Сабова.—Двукратное сраженіе 18-го іюня, большія потери полка.—Дѣло при д. Курджи.—Отличіе Секундъ-Маіора Міоковича.—Изурненіе войскъ.—Состояніе лошадей.—Отступленіе за Дунай.—Дѣйствія малыхъ отрядовъ.—Удачная экспедиція Секундъ-Маіора Дмитріева.—Мелкіе стычки въ октябрѣ.—Дѣло при Карасу.—Отличія Харьковцевъ.—Влестящая рекогносцировка Дмитріева.—Зимнія квартиры.—Вѣдственное положеніе края и войскъ.

Открытіе кампаніи 1774 года.—Сраженіе при Базарджикѣ.—Подвигъ Секундъ-Маіора Шульца.—Сраженіе при с. Козлуджѣ.—Отличіе Харьковцевъ.—Движеніе къ Шумлі и въ Балвану.—Послѣднее дѣло, послѣдняя жертва войны.—Заключеніе мира.—Участіе эскадрона Харьковскаго полка въ усмиреніи Пугачевскаго бунта.

Переговоры прекратились, война началась снова. Но началась она, если не считать незначительныхъ поисковъ, поздно вслѣдствіе суровой зимы. Въ апрѣлѣ лежалъ вездѣ еще снѣгъ, и травы не было. Это было очень важно, такъ какъ на подвозъ фуража нельзя было рассчитывать. И Румянцевъ медлилъ, не смотря на требованіе Императрицы начинать кампанію скорѣе. Въ надеждѣ той, что переговоры приведутъ къ миру, ни мы, ни турки не были къ ней готовы. Кампанія для Харьковскаго полка началась сраженіемъ при Гуробалѣ, 7 іюня, гдѣ была совершена переправа черезъ Дунай армія Румянцева, чтобы дѣйствовать противъ Силистріи. Полкъ былъ назначенъ въ отрядъ Г. М. Вейсмана и, переправясь черезъ Дунай 31 мая, присоединился къ нему на пути слѣдованія его къ Гуробалу¹⁾. Харьковцы слѣдовали во главѣ, въ авангардѣ, командованіе которымъ Вейсманъ поручилъ Чорбѣ. Непритель, занимавшій Гуро-

балъ, послѣ слабой перестрѣлки успѣшилъ отступить, въ виду приближенія русскихъ войскъ по обоимъ берегамъ Дуная. Кавалерія авангарда Вейсмана и впереди ея Харьковскій полкъ настигла турокъ въ 10 верстахъ отъ Гуробала, въ дефиле. Въ происшедшей схваткѣ много турокъ было убито и захвачено въ плѣнъ. При этомъ особенно отличился Поручикъ Харьковскаго полка Петръ Сабовъ, командовавшій эскадрономъ. Съ нимъ онъ отчаянно атаковалъ турокъ и обратилъ въ бѣгство, перерубивъ многихъ¹⁾. Непритель потерялъ 8 пушекъ и 3 знамени. Съ нашей стороны было убито не болѣе 20 человекъ, изъ коихъ на долю Харьковцевъ пришлось—5 гусарь и 4 лошади; нѣсколько лошадей было ранено; изъ нихъ послѣ пало 5²⁾.

По переправѣ (10 іюня) всей арміи черезъ Дунай, Харьковскій полкъ, вслѣдствіе новаго расписанія, былъ назначенъ въ правое крыло Г. Пор. Ступишина; оставаясь въ корпусѣ Вейсмана. Армія двинулась къ Силистріи. 12 іюня произошло столкновеніе съ непрителемъ подъ этою крѣпостью. Турки вначалѣ массою кавалеріи устремились на Ступишина. Высланные на нее Харьковскій полкъ, по одному эскадрону отъ Венгерскаго и Елисаветградскаго пикинернаго полковъ, отбили атаку кавалеріи. Сраженіе, вообще, окончилось полною для насъ удачею. Честь дня принадлежала Харьковскому полку—онъ своими смѣлыми атаками, неоднократно повторяемыми, вездѣ разсѣвалъ и гналъ непрителя. Особенною неустрашимою храбростью отличился Поручикъ Юнинъ³⁾. Онъ, при нападеніи турокъ на 1-й Гренадерскій полкъ, врубился съ гусарами въ толпу яростно наступившаго непрителя, увлекая всѣхъ, заставилъ ихъ отступить и тѣмъ далъ время оправиться грезнадерамъ. Въ схваткѣ этотъ храбрый офицеръ былъ тяжело раненъ пулями въ обѣ ноги, но продолжалъ держаться на лошади

¹⁾ В. Уч. арх. I, № 529. Вѣдомость отличив.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Воен. Уч. арх. I, № 379.

¹⁾ Моск. арх. оп. 194, № 15.

и до конца дѣла не переставалъ работать саблею. Ранено было въ этотъ день и три гусара Харьковскаго полка, но убитыми полкъ не потерялъ ни единого человѣка. Изъ всѣхъ частей, участвовавшихъ въ сраженіи, Харьковцы добыли себѣ болѣе другихъ трофеевъ: изъ 18-ти пушекъ на его долю пришлось—9. Изъ нихъ 8 отбилъ извѣстный уже Поручикъ Петръ Сабовъ. Харьковскій полкъ, проскакавъ трудное дефиле, шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 3-хъ шаговъ, врубился въ непріятельскій ретраншементъ, занялъ его и выбилъ оттуда его защитниковъ. Въ это время Сабовъ съ своимъ эскадрономъ стремительно бросился на турокъ, старавшихся поспѣшно увести свою артиллерію въ крѣпость. Турки, замѣтивъ несшійся на нихъ эскадронъ, направили на него орудія и начали стрѣлять. Но гусары, не обращая вниманія на огонь, неслися далѣе, а выстрѣлы, торопливо направленные, не причиняли имъ вреда. Доскакавъ, эскадронъ, изрубивъ и разогнавъ артиллеристовъ, завладѣлъ 8 пушками ¹⁾. За этотъ подвигъ Румянцевъ наградилъ Сабова слѣдующимъ чиномъ. Турками въ этотъ день командовалъ Османъ-паша. Раненый онъ ушелъ въ Силистрію, а разбитыхъ его войскъ гарнизонъ не впустилъ въ крѣпость, и онѣ ушли частью въ Шумлу, частью же и совсѣмъ разбрелись.

Подъ Силистрію самое серьезное дѣло разыгралось 18 іюня. Сраженіе, начавшееся на разсвѣтъ артиллерійскимъ огнемъ по редуту, продолжалось 6 часовъ и кончилось поражениемъ турокъ.

Румянцевъ дѣлалъ уже было распоряженія для предстоящаго на другой день сраженія, какъ неожиданно наши войска были атакованы снова турецкою конницею въ числѣ 7 тысячъ всадниковъ, появившеюся отъ Базарджика. Но противъ этого новаго противника была послана наша кавалерія, и турки были отбиты. Преслѣдовать ихъ бросился

¹⁾ Мос. ар. Послужной его списокъ.

Полковникъ Чорба и Маіоръ Любимовъ съ порученными имъ отрядами. День 18 іюля Харьковцамъ стоилъ дорого: въ двоекратномъ сраженіи, при атакѣ непріятельскаго ретраншемента (при с. Альфронтарѣ) и во время преслѣдованія, было убито 4 офицера—Подполковникъ Вуичъ, Капитанъ Степановъ, Поручики Демировичъ, Раковичъ—и лекарь Рогенбукъ; 1 вахмистръ, 5 капраловъ и 62 гусара, всѣхъ—73 человѣка; было убито и отбито непріателемъ 25 лошадей. Тяжело ранено 19 человѣкъ. Изъ числа раненыхъ лошадей вскорѣ пало 8 ¹⁾.

Полковникъ Чорба за отличіе, оказанное имъ въ дѣлѣ при Альфронтарѣ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора.

Войско, сдѣлавшее вторично нападеніе на насъ 18 іюня, было только передовой отрядъ арміи Нумана-паши. Этотъ паша съ 20 тысячами свѣшилъ на помощь крѣпости и былъ недалеко. Противъ незначительныхъ силъ Румянцева, такимъ образомъ, считая Силистрійскій гарнизонъ, собралось 50 тысячъ турокъ. Весь день 19 іюня шелъ такой сильный дождь, что нельзя было сдѣлать даже тѣхъ шеремѣвъ въ расположеніи нашихъ войскъ, которыя хотѣлъ Румянцевъ. На другой день наша армія нѣсколько отступила. Между д.д. Бюкь-Кайнарджи и Кучукъ-Кайнарджи, со стороны нашего лѣваго фланга, появился новый лагерь пришедшаго Нумана-паши, у коего были лучшія войска. Противъ него былъ направленъ (подкрѣпленный 2 полками) Вейсманъ для прикрытія нашего отступленія къ переправѣ. Въ его отрядѣ былъ Харьковскій полкъ. Лагерь турокъ прикрывался съ фронта находившимся препятствіемъ, и оставалось только его обойти. Вейсманъ, не зная о близости непріятеля, у д. Кююрджи, 22-го неожиданно очутился противъ 20-ти тысячной арміи Нумана. Такова-то была развѣдывательная служба тогда! Русскимъ оставалось, въ виду громаднаго неравенства силъ, поспѣшно только отступить. Но Вейсманъ,

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, №№ 378 и 379.

дивизъ котораго былъ: «A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire» (побѣда, не сопровождаемая опасностью—безславна), съ 5-ю тысячами рѣшилъ иначе. Онъ, пройдя дефиле, напалъ на непріятели. Многочисленная турецкая кавалерія, налетѣвъ на наши передовыя войска, приведя въ разстройство, отбросила ихъ. Вейсманъ атаковалъ непріятельскій ретраншементъ, но на него напали 10 тысячъ турецкой пѣхоты съ отчаянною храбростью. Съ неимовѣрными усиліями могли устоять и побѣдить русскіе. Но любимый всѣми, отличавшійся лично храбростью Вейсманъ былъ убитъ при этомъ, пораженный пулей въ сердце. Команду принялъ Г.-М. Голицынъ. Мста смерть своего любимаго начальника, войска наши стремительно бросились впередъ и выбили турокъ изъ ретраншемента. Непріятель бѣжалъ. На измученныхъ лошадяхъ его поплелись преслѣдовать три кавалерійскіе полка, въ томъ числѣ и Харьковскій, въ которомъ было въ этотъ день тяжело ранено 13 и легко 6 гусаръ, лошадей убито 15 и пало отъ ранъ 12 ¹⁾). Въ сраженіи этомъ особенно отличился Секундъ-Маіоръ Міоковичъ — онъ врубился съ горстью гусаръ въ самую середину турокъ, въ нѣсколько разъ превосходившихъ его силами, увлекая своею храбростью другихъ. Изрубивъ многихъ враговъ, онъ принудилъ ихъ отступить ²⁾). Добыча дня была велика — весь лагерь и вся артиллерія достались русскимъ, но это не искупало большой потери, какую понесла наша армія въ лицѣ даровитаго Вейсмана, подававшего большія надежды.

Хотя русское оружіе за Дунаемъ всюду одерживало верхъ, но отъ дальнѣйшихъ дѣйствій Румянцеву пришлось отказаться вслѣдствіе страшнаго изнуренія войскъ, особенно кавалеріи. Со дня перехода чрезъ Дунай (31 мая) полкъ, напр., Харьковскій не имѣлъ ни единого дня, вѣрнѣе, часа отдыха — онъ или бился съ непріателемъ въ сраженіяхъ, или преслѣ-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem № 529.

довалъ его, или находился въ походѣ; въ остальное время держалъ разъѣзды и сторожевыя посты. Лошади почти не разсѣдывались, шатались, какъ тѣни. Кромѣ усиленныхъ трудовъ, до этого состоянія довелъ ихъ недостатокъ въ фуражѣ; подножнаго корма, на который рассчитывалъ Румянцевъ, совсѣмъ не было. Полкамъ приходилось производить фуражировки, часто отдаленныя, на тѣхъ-же изнуренныхъ лошадяхъ. Но въ этой пустынѣ могли только находить камышъ, росшій по Дунаю. Но и онъ къ тому времени уже перезрѣлъ и на кормъ не годился. Изнуреніе лошадей повело къ развитію между ними повальныхъ болѣзней, и убыль ихъ въ томъ году была большая. Притомъ полкъ, какъ и всѣ въ арміи, находился далеко не въ комплектѣ — всѣхъ чиновъ онъ считалъ въ рядахъ своихъ 650 (рядовыхъ 541) и лошадей 604 (подъемныхъ 47) ¹⁾). Числа эти сравнительно съ тѣми, въ какихъ онъ вышелъ изъ Харькова уменьшились на 211 человекъ и 232 лошадей! Къ концу іюня, послѣ потерь, понесенныхъ въ сраженіяхъ, численный составъ полка уменьшился еще болѣе. Къ тому-же въ полку было много раненыхъ и больныхъ лошадей, которыя издыхали и были бросаемы по дорогѣ. Пополненіе-же изъ Россіи шло очень неправильно и далеко не равнялось требованіямъ.

Подобное печальное состояніе полковъ заставило Румянцева перевести главную армію на лѣвый берегъ, но корпусъ войскъ, гдѣ состоялъ Харьковскій полкъ (имъ послѣ Вейсмана командовалъ Г. Райзеръ), былъ всетаки направленъ правымъ берегомъ чрезъ Карасу въ Тульчу; тамъ онъ долженъ былъ переправиться чрезъ Дунай на судахъ. Этотъ походъ корпусъ совершилъ спокойно, нигдѣ не встрѣчая непріятели, и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца былъ уже въ Измаилѣ. Въ теченіи всего іюля полкъ оставался въ бездѣйствіи, если не считать небольшихъ поисковъ, фуражировокъ и держанія разъѣздовъ по Дунаю. По вновь составленному

¹⁾ Ibidem.

расписанію арміи, полкъ былъ назначенъ въ лѣвое крыло Г. Пор.-барона Унгерна, оставаясь у Райзера. Румянцевъ, приказывая приложить всѣ старанія, чтобы поправить лошадей, предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть въ полной готовности къ выступленію во всякое время за Дунай.

Полкъ Харьковскій участвовалъ въ августѣ въ поискѣ Унгерна къ Карасу, состоя въ авангардѣ Г.-М. Чорбы. Унгернъ стоялъ въ Бабадагѣ, откуда посылалъ по всей странѣ небольшія партіи съ цѣлью воспрепятствовать жителямъ занимать полевые работы и разбитія непріятельскихъ отрядовъ, блуждавшихъ по странѣ. Офицеры Харьковскаго полка Маіоры Міковичъ, Дмитріевъ и Лалошъ посылались съ такими партіями.

Дмитріевъ 16 сентября былъ отправленъ съ 70 гусарами, 200 казаками и 100 арнаутами собрать свѣдѣнія о способѣ довольствія многочисленнаго непріятеля, стоявшаго при г. Карасу, а, главное, узнать, не подвозится-ли ему провіантъ Чернымъ Моремъ. Дмитріевъ пробрался къ м. Кюстенджи, на берегу моря, куда въ числѣ тысячи всадниковъ и съ партією янычаръ пришли турки подъ командою Черкесъ-паши. Дмитріевъ не задумался напасть на этотъ отрядъ, далеко превосходившій его силами, разбилъ его, гналъ болѣе 7 верстъ и взялъ 150 человекъ въ плѣнъ и 4 знамени. Кромѣ этой славной побѣды, свидѣтельствующей о храбрости русскаго отряда и его командира, Дмитріевъ со своими слабыми силами умудрился захватить 9 судовъ, стоявшихъ у берега моря. Суда эти приплыли съ провіантомъ и припасами для турокъ: ихъ было больше 9, но остальные успѣли уйти въ море. Самое м. Кюстенджи было сожжено до тла. Покончивъ такъ блистательно со своею задачею, Дмитріевъ возвращался было уже обратно въ Бабадагъ, какъ по дорогѣ столкнулся съ 200-ми турецкими всадниками, спѣшивши на помощь Черкесъ-пашѣ, и безъ труда покончилъ съ ними, разбивъ и разсѣявъ ихъ совершенно. Въ та-

кихъ поискахъ Дмитріевъ участвовалъ неоднократно, командуя отрядами, и всегда удачно ¹⁾. Болѣе или менѣе дѣйствія всѣхъ нашихъ отрядовъ, воевавшихъ съ небольшими партіями турокъ, однообразны. Въ продолженіи октября полку приходилось участвовать въ небольшихъ стычкахъ съ турками, преслѣдовать ихъ и нести небольшія потери въ лошадяхъ. Такъ, 1-го сентября было убито ихъ 6, 17-го — 10, да изъ числа раненыхъ въ этихъ двухъ дѣлахъ пало 16 ²⁾.

Но болѣе выдающееся дѣло для Харьковскаго полка произошло при Карасу 17 октября, гдѣ корпусъ Унгерна бился съ 15 — 20 тысячами турокъ подъ начальствомъ Дагистанчи-паши, рѣшившагося остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ. Благодаря бывшему очень густому туману, наши войска близко подошли къ непріятелю, расположенному въ лагерѣ. Болѣе половины турокъ, узнавъ о нашемъ приближеніи, разбѣжалось, а оставшіеся съ пашею были прогнаны Чорбою, командовавшимъ легкими войсками. Тѣснѣ непріятельскую пѣхоту, Чорба атаковалъ и отбилъ у нея со своимъ Харьковскимъ полкомъ 11 пушекъ. За это отличное и блестящее дѣло Николай Ивановичъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Георгія 3-го класса (минуя 4-й). Въ Высочайшемъ указѣ, состоявшемся по этому поводу (6 іюля 1774 г.), говорится, что Государыня пожаловала Г. М. Чорбу «за произведенныя имъ при разныхъ экспедиціяхъ жрабрыя и мужественныя дѣла, а особливо въ послѣднюю задунайскую, въ прошломъ 1773 году 17 октября, когда онъ съ легкими войсками предупредилъ прогнать непріятеля отъ р. Карасу изъ лагеря и преслѣдовалъ его пѣхоту, и, атаковавъ оную, отбилъ 11 пушекъ» ³⁾. Такимъ образомъ, Чорба со времени учрежденія этого ордена былъ первымъ кавалеромъ изъ офицеровъ Харьковскаго полка. Въ дѣлѣ 17 октября былъ раненъ саблею въ голову при атакѣ на пѣхоту Пра-

¹⁾ Формулярный его списокъ.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

³⁾ Капитулъ Рос. и Имп. орденовъ.

порщикъ Феешъ, Поручикъ Федоръ Сабовъ—пулею въ лѣвый бокъ—и вахмистръ Михаилъ Горевъ—пулею въ руку ¹⁾).

Во время поиска Унгерна къ Варнѣ, отъ полка былъ посланъ Маіоръ Дмитріевъ для рекогносцировки крѣпости и непріятельскихъ силъ. Въ командѣ этого офицера, извѣстнаго уже своею храбростью, было 80 гусаръ и 200 казаковъ. 26 октября Дмитріевъ смѣло, нисколько не скрываясь, направился прямо къ Варнѣ. Очень недалеко уже отъ нея, при проходѣ одного дефила, онъ неожиданно столкнулся съ 50 турецкими всадниками, кои тотчасъ же дали тылъ, поскакавъ въ городъ. Казаки и гусары бросились за ними, убили 10 человекъ, взяли одно знамя, а, главное, захватили три «языка», изъ коихъ можно было выжать свѣдѣнія о силахъ непріятеля, необходимыя Дмитріеву. На плечахъ уходившихъ турокъ Дмитріевъ проникъ къ самой крѣпости и на нѣкоторое время около нея задержался, исполняя возложенное на него порученіе—рекогносцировку ея,—что и успѣлъ сдѣлать. Покончивъ со своею задачею, Дмитріевъ успѣшилъ ретироваться. Поступокъ этого офицера, не убоявшагося проникнуть среди бѣлаго дня къ стѣнамъ сильной крѣпости, откуда ежеминутно могли выйти въ большомъ числѣ турки, свидѣтельствуегъ о необыкновенной его храбрости и о полномъ пренебреженіи къ опасности. Появленіе Дмитріева было такъ неожиданно и смѣло, что турки первое время опѣшили, думая, вѣроятно, что эта горсть русскихъ была только передовымъ отрядомъ идущихъ сзади войскъ, не допуская подобной дерзости отъ маленькой кучки всадниковъ. Оставя такое впечатлѣніе, Дмитріевъ ретировался и благополучно прошелъ уже дефиле; и только тогда, наконецъ, изъ крѣпости вышелъ для преслѣдованія Арнаутъ-паша съ 300 всадниками и не малымъ числомъ пѣхоты. Достигнувъ д. Джеферлей и видя, что за нимъ гонятся только 300 человекъ, далеко опередивъ пѣхоту, Дмитріевъ замед-

¹⁾ Форм. списки.

лилъ свой ходъ, чтобы подпустить ближе непріятеля. Послѣ, неожиданно повернувъ назадъ, стремительно ударилъ въ преслѣдовавшихъ его турокъ, убивъ при столкновеніи до 20 человекъ ¹⁾. Не довольствуясь этимъ, Дмитріевъ гналъ ихъ еще версты 4 и уже послѣ этого направился доложить Унгерну о блестящихъ результатахъ своей рекогносцировки. 29 октября Унгернъ подошелъ къ д. Деревентлей, въ 8-ми верстахъ отъ Варны, гдѣ и расположился лагеремъ. Харьковскій полкъ былъ въ тотъ-же день высланъ впередъ для занятія вышеупомянутаго дефила передъ Варною. Турки выходили изъ города, чтобы помѣшати, но были прогнаны. 30 октября происходилъ неудачный штурмъ Варны, гдѣ мы понесли порядочныя потери и были отбиты. Въ этотъ день были ранены 2 офицера Харьковскаго полка прапорщики Феешъ, раненый уже разъ не задолго при этомъ, и Станкевичъ; убиты 8 строевыхъ лошадей; пало отъ тяжелыхъ ранъ—10 ²⁾.

Этимъ дѣломъ для Харьковскаго полка закончилась кампанія пятого по счету уже года этой томительной войны. Войска наши, очистивъ правый берегъ Дуная, были распущены по зимнимъ квартирамъ. 3-я дивизія Унгерна, гдѣ былъ Харьковскій полкъ, расположилась въ Бессарабіи. Зимнія квартиры не принесли арміи удобствъ, такъ какъ вся страна была страшно опустошена; запасовъ не было никакихъ, поля почти не воздѣлывались. Жители, сочувственно первое время относившіеся къ нашимъ войскамъ, перемѣнились, потерявъ надежду получить когда либо самостоятельность и не видя конца разорявшей ихъ войны. Равнымъ образомъ, Польша, откуда должно было подвозиться продовольствіе, была страшно истощена, такъ какъ служила все время театромъ войны, терзаемая при томъ борьбою партій. Всѣ эти неблагопріятныя условія отзывались на здоровьѣ

¹⁾ Мос. арх. оп. II, № 689.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

войскъ. Суровая зима принесла съ собой тяжелыя страданія для очень плохо одѣтыхъ солдатъ. Въ донесеніи объ этомъ Императрицѣ Румянцевъ говорилъ, что онъ можетъ вывести солдатъ въ поле только «развѣ въ полной наготѣ». И очень мало въ полку Харьковскомъ оставалось уже старыхъ солдатъ, бывшихъ въ рядахъ его при выступленіи изъ Харькова. Всѣ они нашли себѣ смерть на берегахъ Дуная, павъ жертвами болѣзней, или сложивъ свои головы на поляхъ брани.

Къ открытію кампаніи 1774 года, къ которой Румянцевъ дѣятельно готовился въ теченіи зимы, Харьковскій полкъ поступилъ подъ начальство Г. Пор. Каменскаго, назначеннаго командовать лѣвымъ крыломъ. Полкомъ въ это время командовалъ Примьеръ-Маіоръ Дмитріевъ, такъ какъ Чорба, хотя еще считался командиромъ и полка не сдавалъ, но находился въ отсутствіи, командуя кавалерійскимъ отрядомъ.

Военныя дѣйствія открылись поздно, но полкъ уже въ апрѣлѣ былъ за Дунаемъ. Русскіе въ этомъ году проникнули далеко въ глубь Болгаріи къ г. Базарджику, взятому съ боя, откуда непріятель наблюдалъ за нашими дѣйствіями. Около этого города 2 іюня произошло сраженіе. Весь Харьковскій полкъ былъ посланъ на подкрѣпленіе нашихъ передовыхъ войскъ, тягавшихся съ непріятельскою конницею. Дмитріевъ, прибывъ на мѣсто схватки съ неутомленными эскадронами, рѣшилъ исходъ дѣла. Неожиданно налетѣвъ съ Харьковцами и однимъ пикинернымъ эскадрономъ, онъ опрокинулъ непріятеля и гналъ его къ Шумлѣ на протяженіи 15 верстъ ¹⁾. Здѣсь отличился храбростью Харьковскаго полка Секундъ-Маіоръ Шульцъ, командовавшій 2-мя эскадронами. Онъ лично самъ взялъ одного пашу и отбилъ 3 пушки ²⁾. У плѣннаго паши нашлись тысяча червонцевъ и золотые часы. И то и другое Шульцъ представилъ на-

¹⁾ Мос. арх. оп. 214, св. 143.

²⁾ Ibidem, св. 158.

частьству, что для того времени нѣсколько удивительно, ибо все подобное считалось военною добычею ¹⁾. Румянцевъ произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Въ сраженіи 2 іюня было убито 4 лошади и ранено 3.

Отъ Базарджика Каменскій двинулся далѣе, къ крѣпости Шумлѣ. Во время этого движенія, 9 іюня, произошло столкновение съ турками при Козлуджи. Чтобы напасть на отступавшаго предъ нами непріятеля, надо было пройти длинную и узкую дорогу въ Делиорманскомъ лѣсу. Дорога эта была трудно проходима, камни и деревья, лежавшія на ней, сильно замедляли движеніе. Преслѣдовавшіе турокъ казаки прошли уже эту тѣснину, за ними втянулась и остальная кавалерія, а съ нею и Харьковскій полкъ. Но казаки были опрокинуты повернувшими турками и отброшены назадъ въ дефиле, гдѣ вслѣдствіе этого произошла страшная давка и смятеніе. Положеніе нашей кавалеріи дѣлалось тѣмъ болѣе критическимъ, что, по мимо тѣснившаго съ фронта непріятеля, турецкая пѣхота, правда, немногочисленная, пробиралась густымъ лѣсомъ сторонами дороги, стараясь окружить наши войска. Положеніе дѣлалось опаснымъ, пѣхота могла насъ перестрѣлять. Оставалось только пробиться, и Каменскій приказалъ двумъ эскадронамъ Харьковскаго полка и одному пикинерному пробраться впередъ и отбросить непріятеля отъ входа въ тѣснину. Харьковскіе эскадроны повелъ Дмитріевъ. Впереди пошелъ было пикинерный эскадронъ, но былъ разстроенъ отступавшими поспѣшно казаками, перепутался съ ними и не скоро могъ разбраться. Дмитріевъ-же съ обычною своею энергіею, пробравшись черезъ толпу казаковъ и скоро возстановивъ порядокъ, бросился на турокъ, увлекая своимъ примѣромъ гусаръ, и «не допустилъ (турокъ) пользоваться надъ собою авантажемъ» ²⁾. Харьковцы отбросили непріятеля отъ входа въ тѣснину и, преслѣдуя

¹⁾ Ibidem, оп. 11, № 689.

²⁾ Его формул. спис.

далѣе, выгнали его на прогалину, гдѣ собраны были всѣ силы турокъ ¹⁾. Тѣмъ временемъ наши войска поспѣшно очищали дефиле.

Въ этомъ сраженіи, начавшимся въ полдень и окончившимся только въ 8 часовъ вечера, отличился также извѣстный уже Шульцъ. Онъ съ Маіоромъ Арцебашевымъ и Поручикомъ Бородаевскимъ, офицерами полка, собравъ человекъ 100 гусаръ, напалъ на вышедшихъ изъ ретраншементовъ янычаръ и перерубилъ ихъ до 50 человекъ ²⁾, пренебрегая сильнымъ пушечнымъ огнемъ. Полкъ потерялъ въ этотъ день убитыми 4 гусаръ и 9 лошадей ³⁾.

Одержавъ побѣду при Козлуджѣ, Каменскій, вслѣдствіе страшно дурныхъ дорогъ и недостатка въ фуражѣ, двинулся далѣе только 14 іюня. 19-го произошло, не доходя Шумлы, столкновение. Полкъ потерялъ убитыми 7 лошадей и много раненыхъ (изъ коихъ пало 3) во время преслѣдованія непріятеля до самой крѣпости. 28 іюня отъ Шумлы выступилъ отрядъ силою въ 2¹/₂ тысячъ человекъ подъ начальствомъ Бригадира Зборовскаго. Отрядъ этотъ, по приказанію Румянцева, отправился вглубь Балканскихъ горъ (Кучукъ-Балканы), куда русскіе впервые вносили побѣдоносное оружіе свое. Цѣль этого набѣга была повести страхъ на турокъ и понудить ихъ къ скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ по немногу начались уже вестись. Въ составъ этого отряда вошли три эскадрона Харьковцевъ, съ ними пошелъ и Дмитріевъ. Отъ Шумлы отрядъ углубился въ горы. Дорога лежала чрезъ загроможденные камнями ущелья, изрѣзанныя быстрыми ручьями. Приходилось взбираться на кручи и спускаться въ пропасти. По сторонамъ дороги стѣной возвышались громадной высоты обрывистыя и нависшія горы, вершины коихъ покрыты густымъ лѣсомъ. Время для хожденія по такимъ дорогамъ было самое благо-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Моск. арх. оп. 214, св. 143.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

пріятное въ году. И что, хотя съ трудомъ, доступно было теперь, было бы непроходимо въ весенніе и осенніе мѣсяцы, когда по вершинамъ рано ложится снѣгъ и поздно сходитъ, когда бушуютъ вѣтры, врываясь въ узкіе корридоры. Мѣстность, гдѣ двигался нашъ отрядъ, лежитъ на высотѣ около тысячи футовъ надъ уровнемъ моря.

Не смотря на всѣ трудности пути, въ первый день нашъ отрядъ сдѣлалъ переходъ въ 40 верстъ, достигнувъ д. Кюрчукей. Отъ захваченныхъ въ ней турокъ, Зборовскій узналъ, что недалеко, при д. Чалывакъ, стоитъ 3-хъ бунчукный Юсуфъ-паша съ отрядомъ, силою въ 4 тысячи человекъ. Рѣшивъ на него напасть, Зборовскій поспѣшилъ занять авангардомъ узкое горное дефиле, ведущее къ непріятелю. Когда весь нашъ отрядъ вошелъ въ тѣнину, турки сдѣлали нападеніе на арріергардъ, состоявшій изъ казаковъ. Не желая задерживать движеніе изъ боязни, что наше присутствіе будетъ обнаружено непріателемъ, Зборовскій приказалъ казакамъ присоединиться къ отряду, который спѣшно продолжалъ движеніе далѣе. Быстро пройдя тѣнину, войска наши ударили на Юсуфъ-пашу. Неожидавшіе нападенія и изумленные нашимъ появленіемъ въ горахъ, турки легко были выбиты изъ селенія и бѣжали, рассыпавшись по лѣсамъ. Ихъ преслѣдовали на протяженіи 15 верстъ ¹⁾. Въ дѣлѣ этомъ въ Харьковскомъ полку было убито 2 лошади ²⁾.

Возвращеніе отряда другими дорогами было сопряжено съ большими затрудненіями—пришлось пробираться въ ущельяхъ по тропинкамъ въ совершенно незнакомой мѣстности, столь не привычной для русскихъ, отдавшись при томъ на волю проводниковъ—болгаръ. Положеніе нашего отряда осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ему пришлось двигаться подъ выстрѣлами турокъ. До ста человекъ ихъ съ вершинъ нависшихъ надъ дорогою горъ, скрываясь въ

¹⁾ А. Петровъ. V, ст. 64.

²⁾ Мос. арх. оп. 214, св. 156.

лѣсу, стрѣляли по нашему отряду, но, къ счастью, ихъ было мало. Отвѣчать на огонь огнемъ не было возможности.

Въ немногихъ только мѣстахъ, гдѣ рѣдѣлъ лѣсъ и расширялась дорога, удавалось открывать по сопровождавшимъ насъ поверху туркамъ ружейный огонь, да пострѣлять изъ орудій болѣе для очищенія совѣсти, для устрашенія только и для поддержанія бодрости въ нашихъ солдатахъ. Хотя огонь турокъ и причиняли намъ мало вреда, но жутко было идти подъ выстрѣлами, идти и сознавать, что нельзя ничего подѣлать съ врагомъ въ недоступныхъ высотахъ и притомъ невидимымъ. Дмитріевъ, ведя эскадроны, «окруживалъ себя и подчиненныхъ», мужественно выдержалъ это осадное, такъ сказать, положеніе. Харьковцы не понесли никакихъ потерь ¹⁾. Отрядъ возвратился къ корпусу 31 іюня. Дмитріевъ за военные подвиги, коими онъ отличался въ продолженіи всей турецкой войны, командуя небольшими отрядами, отдѣльными эскадронами, а въ послѣдній годъ и всею Харьковскимъ полкомъ, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса ²⁾.

Великій визирь, устрашенный тѣмъ, что войска его всюду терпятъ пораженія, предложилъ перемиріе. Румянцевъ же требовалъ мира. Увѣдомляя о предложеніи визиря, онъ предписалъ Каменскому не предпринимать ничего рѣшительнаго. Но Каменскій для чего-то рѣшилъ взять около Шумлы одинъ ретраншементъ, и 7 іюля произошло послѣднее сраженіе, гдѣ два эскадрона Харьковскаго полка въ продолженіи 4 часовъ своимъ огнемъ удерживали стремленіе непріятельской конницы, а послѣ бросились на нее въ атаку и гнали до шанцевъ, нанеся непріятелю большой уронъ. Эскадроны сильно увлеклись въ своемъ преслѣдованіи. Каменскій опасаясь, чтобы они не были отрѣзаны, послалъ имъ приказаніе отступитъ. Въ этотъ день былъ убитъ 1 гусарь ³⁾.

¹⁾ Формул. списокъ его, мѣс. рап. пол.

²⁾ Кап. Рос. Имп. и Цар. орд.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

Это была бесполезная жертва—результатъ непослушанія Каменскаго. Взятіемъ ретраншемента ничего ровно не достигалось, ибо миръ ужъ былъ почти заключенъ, и гусарь этотъ Харьковскій погибъ напрасно. По словамъ Румянцева, онъ стоилъ «дороже ста турокъ убитыхъ».

Черезъ три дня—10 іюля—былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджискій миръ, закончившій эту продолжительную и трудную войну. Армія наша, покинувъ правый берегъ Дуная, перешла на лѣвый, а въ началѣ 1775 года, очистивъ Молдавію и Валахію, потянулась въ предѣлы Имперіи. Въ сентябрѣ полкъ былъ въ слѣдующемъ составѣ: на лицо здоровыхъ 639 человекъ всѣхъ чиновъ, больныхъ 17, въ лазаретѣ 12, въ командировкахъ 36; требовалось въ добавку 134; при полку лошадей строевыхъ 642, подъемныхъ 85, прибавочныхъ 50, требовалось въ добавку 101; въ Россіи въ запасномъ эскадронѣ 196 человекъ всѣхъ чиновъ и 180 лошадей ¹⁾.

Эскадронъ, остававшійся въ Харьковѣ, въ 1774 году принималъ участіе въ подавленіи Пугачевского бунта, охватившаго своимъ пламенемъ востокъ Имперіи. Въ то время эскадрономъ командовалъ Капитанъ Марковичъ, не задолго до того его принявшій. Изъ одной челобитной этого офицера видно, что онъ командированъ былъ съ эскадрономъ Харьковскаго полка для участія въ усмиреніи бунта въ Царицынѣ, гдѣ и находился подъ командою Г. М. Багратиона. Но на этомъ и оканчиваются всѣ свѣдѣнія объ этомъ походѣ ²⁾.

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 548.

²⁾ Моск. арх. оп. 11, № 691.

Глава V.

Внутренняя жизнь полковъ не соответствуетъ высокому духу войскъ.—Память, оставленная Чорбою въ полку.—Инструкція, «Коннаго полка полковнику».—Жестокія наказанія,—ихъ послѣдствія.—Неограниченная власть командировъ.—Злоупотребленія.— Полковая отчетность.—Быстрыя перемѣны состава офицеровъ.—Заботы командировъ.— Упадокъ дисциплины.—Челобитныя офицеровъ Харьковскаго полка.—Дѣла Подполковника Вуча, майоровъ Міковича, Шutowича.—Пьянство въ полку.—Лихой Капитанъ Равичъ.—Составленіе формулярныхъ списковъ.—Полковникъ Вадрыга.—Измѣненія въ формѣ одежды.—Полковой гербъ.

ядъ славныхъ сраженій, въ коихъ горсти нашихъ воиновъ били огромныя полчища турокъ, а слабые гусарскіе полки отваживались нападать на многочисленную турецкую кавалерію, свидѣтельствуетъ о высокомъ духѣ, царившемъ тогда въ войскахъ. Духъ этотъ, являясь залогомъ безавѣтной храбрости и преодоленія всѣхъ трудовъ, казалось, долженъ былъ-бы говорить объ образцовыхъ порядкахъ, царившихъ въ полкахъ, и о томъ, что офицерамъ и солдатамъ жилось хорошо и что пункты инструкціи, предписывавшіе командирамъ всестороннюю отеческую заботу о своихъ подчиненныхъ, исполнялись свято. Но, на самомъ дѣлѣ, всего того не было. Внутренняя жизнь и порядки въ гусарскихъ полкахъ, гдѣ, въ лицѣ командировъ, самовластно царили люди, по большей части не русскіе, чуждые интересамъ страны и своихъ подчиненныхъ, должны были, повидимому, привести только къ совершенно обратнымъ, отрицательнымъ результатамъ. Если, по мимо всего того, наши войска и были на высотѣ своего призванія, повсюду являясь побѣдителями, то приписать это явленіе слѣдуетъ врожденному и присущему русскому солдату высокому духу, его безза-

вѣтной преданности Престолу и любви къ своей родинѣ. Конечно, между командирами бывали и люди достойные уваженія. Чорба, напр., былъ любимъ своими подчиненными, и жизнь въ полку Харьковскомъ во время его командованія была не такъ уже сравнительно плоха. Но ушелъ онъ, и перемѣнилось все. Въ челобитныхъ, поданныхъ при его преемникѣ, офицеры, жалуясь на то и другое, съ любовью вспоминаютъ время Чорбы; при немъ они не переносятъ того, что пришлось послѣ. Въ отношенія своихъ подчиненныхъ командиры должны были руководствоваться «инструкціею коннаго полка полковнику». Она строго предписывала ласковое и кроткое съ ними обхожденіе, заботу о нихъ, о ихъ благосостояніи и повелѣвала «всѣхъ подчиненныхъ своихъ такъ содержать, чтобы они къ нему любовь и страхъ имѣли»¹⁾. Но за точнымъ исполненіемъ этой инструкціи не слѣдило высшее начальство, и командиры являлись полными владыками своихъ полковъ, позволяли себѣ дѣлать, что имъ было угодно, и смотрѣли на свою часть только, какъ на доходную статью. Новый командиръ принималъ полкъ отъ стараго, не видя ни людей, ни полковаго хозяйства, получивъ отъ него нѣсколько тысячъ. Съ этимъ впоследствии сильно боролся Потемкинъ и тщетно старался уничтожить въ полкахъ злоупотребленія²⁾. Когда попадался «отецъ» — командиръ, справедливость которому была чужда, то въ полку продѣлывались невозможныя вещи, и жизнь членовъ полковой семьи обращалась въ каторгу, особенно для рядовыхъ. Результатомъ являлась деморализація, упадокъ дисциплины и развитіе побѣговъ, чему особенно способствовало жестокое обращеніе. 200 палочныхъ ударовъ за малѣйшій проступокъ считалось тогда обыкновеннымъ наказаніемъ. Положеніе офицеровъ было вполне зависимо также отъ командира—онъ властвовалъ надъ ними. Отъ его произвола

¹⁾ Пол. Соб. Зак., т. XVІІ, № 12543.

²⁾ Воен. Уч. арх. IV, № 12.

зависило представлять ихъ къ производству въ слѣдующіе чины, зачислять въ комплектъ и исключать изъ него, а, благодаря этому, младшіе дѣлались старшими и производились въ чины, обходя другихъ. Отъ желанія командира зависило принимать офицеровъ въ полкъ изъ отставки; въ отставку же въ то время офицеры увольнялись съ повышеніемъ въ чинъ, а принимались вновь на службу тѣмъ чиномъ, коимъ увольнялись. Понятно, какія злоупотребленія происходили отсюда, какъ отзывалось это на офицерахъ, отнимая у нихъ всякую энергію и любовь къ службѣ. Всякій офицеръ, имѣвшій какую либо возможность, бѣжалъ отъ притѣсненій, бросая службу совсѣмъ, или блуждалъ по полкамъ, разыскивая, гдѣ бы жизнь не была такъ тягостна. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ мѣсячные рапорты; изъ нихъ видно, что офицеры мѣнялись въ полкахъ ежегодно цѣлыми десятками. Не малою несправедливостью было и то, что вахмистра гвардіи, переводясь въ армейскіе полки, въ два года достигали чина подполковника, оттирая опытныхъ и старыхъ служака.

Командиры осыпали своими милостями офицеровъ, имъ угодныхъ, умѣвшихъ понравиться, а необладавшихъ этимъ искусствомъ держали въ черномъ тѣлѣ. «Офицеры находились въ рабствѣ подъ тираническимъ правленіемъ полковниковъ»¹⁾. Далѣе, командиры того времени имѣли право зачислять въ свои полки нижнихъ чиновъ по личному своему усмотрѣнію, не представляя того на чье-либо утвержденіе, равнымъ образомъ, и увольнять въ отставку. Вошло въ моду переманивать къ себѣ людей изъ другихъ полковъ и зачислять завѣдомо бѣглыхъ. О порядкахъ, царившихъ тогда въ арміи, можно судить изъ слѣдующаго примѣра, въ дѣйствительности случившагося: Нѣкій полкъ при смѣнѣ его съ караула другимъ укралъ у послѣдняго 26 лошадей. Похищеніе было открыто. Командиръ полка бросился съ жа-

¹⁾ Ржевускій. Разныя замѣчанія о сл... Рус. Арх. 1879 г., ст. 357.

лобою по начальству, прося возврата лошадей. Но оно оказалось безсильно и могло только посовѣтывать «самому отокрасть»¹⁾.

Изъ того, что отъ казны по штатамъ отпускалось военнослужащимъ, многое не доходило по назначенію и расхищалось командирами безъ всякаго стѣсненія; они «производили грабежъ наглый людей», какъ говоритъ современникъ²⁾. Въ получаемыхъ деньгахъ должна была вестись отчетность, подписанная всѣми офицерами полка. И имъ приказывалось своими подписями удостовѣрять правильность подведенныхъ въ расходныхъ книгахъ итоговъ. При томъ, конечно, не допускалось и мысли о возможности повѣрки съ ихъ стороны. На этомъ и заканчивалась вся полковая отчетность, и ею вполне удовлетворялись начальствующія лица. Отсюда понятно, что офицеры, не съ полною готовностью скрѣпявшіе своими подписями фиктивные расходы, подвергались гоненіямъ, исключались изъ комплекта, лишались права на производство и изгонялись изъ полка при первомъ удобномъ случаѣ, что было тогда болѣе, чѣмъ легко. Быстрымъ перемѣнамъ состава офицеровъ въ полку, особенно съ появленіемъ новаго командира, свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что каждый изъ нихъ старался подобрать себѣ офицеровъ подходящихъ. Рядъ просмотрѣнныхъ мѣсячныхъ рапортовъ такъ ясно говоритъ о томъ!

Стараясь скрыть всѣ внутренніе безпорядки, командиры заботились только о блестящемъ внѣшнемъ видѣ своихъ полковъ, чтобы лошади были въ «показномъ» тѣлѣ, люди одѣты щегольски.—На этомъ и оканчивалась вся ихъ забота, дальше этого ихъ старанія не шли; какими-же средствами достигалось это щегольство, видимо, не интересовало дѣлавшихъ смотръ генераловъ. А достигалось оно очень просто: командиръ полка оказывалъ на офицеровъ давленіе,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

принуждая ихъ щеголять, а у нижнихъ чиновъ удерживалъ ихъ жалованіе и на него строилъ мундирныя вещи, чтобы прекраснымъ внѣшнимъ видомъ полка пустить пыль въ глаза начальству. Изопрямъ въ этомъ, онъ позволялъ себѣ большія отступленія отъ установленной формы, украшая ее по своему вкусу и усмотрѣнію.

Восемь офицеровъ Харьковскаго полка и старшій писарь одновременно подали челобитныя, прося, вѣрнѣе, моля начальство перевести ихъ въ другіе гусарскіе полки. Между ними былъ даже Примьеръ-Маіоръ Шульцъ, извѣстный, какъ отличный офицеръ, что служить доказательствомъ, что и высокій чинъ не спасалъ тогда отъ своевольтва и насилія полковника, а ему инструкція предписывала съ штабъ-офицерамъ «пріятное обхожденіе имѣть». Въ своихъ челобитныхъ офицеры говорили, что лично переводиться имъ не хотѣлось-бы изъ полка, но вынуждены это сдѣлать вслѣдствіе притѣсненій, испытываемыхъ отъ новаго командира, Полковника Бедряги. Челобитныя эти были поданы Г. М. Текелли, извѣстному во всей арміи своею храбростію, о комъ Суворовъ отзывался такъ лестно. Этотъ Текелли пользовался большимъ уваженіемъ и любовью своихъ подчиненныхъ. Убѣдясь, видимо, въ справедливости обвиненій, взводимыхъ на Бедрягу офицерами, онъ подалъ рапортъ ¹⁾ Потемкину, гдѣ докладывалъ, что командиръ Харьковскаго полка разоряетъ своихъ подчиненныхъ излишнимъ щегольствомъ, заставляя дѣлать мундиры, не положенные гусарскимъ офицерамъ, шитые по образцу имъ самымъ изобрѣтенному, обшитые вездѣ галуномъ и стоящіе очень дорого. Далѣе, Текелли докладывалъ, что Бедряга, не спросивъ согласія у офицеровъ, надѣлалъ для нихъ подрядомъ «капюты» (?) и къ тому якобы принадлежація португези съ золотымъ галуномъ, камзолы, штаны, сапоги нѣмецкіе и чулки.

¹⁾ Мос. арх., дѣла Потемкина. (опись и связка по оплосности автора остались непомѣченными), рапортъ отъ 9 августа 1775 г.

Стоило все это очень дорого. Офицеры, вслѣдствіе этихъ излишнихъ затратъ, разорялись и не имѣли возможности дѣлать положенную обмундировку. Текелли въ рапортѣ своемъ прибавлялъ, что подавшіе челобитныя офицеры—все иностранныя, почему онъ особенно и признаетъ неудобнымъ требованія Бедряги. Кромѣ этихъ незаконныхъ требованій относительно обмундированія, тѣ-же офицеры въ своихъ челобитныхъ говорили, что Бедряга исключаетъ старшихъ «въ угодность себѣ» изъ комплекта, а младшихъ зачисляетъ въ него (Поручикъ Серебряискій, Прапорщикъ Могутовъ). Это Бедряга продѣлывалъ не только съ оберъ, но даже и съ штабъ-офицерами. Такъ, на примѣръ, исключилъ изъ комплекта Маіора Шутовича, а на его мѣсто помѣстилъ младшаго, Маіора Арцыбашева, и въ спискахъ показывалъ уже Шутовича сверхкомплетнымъ. Челобитная этого офицера, гдѣ онъ приносилъ на то жалобу, дошла до Текелли, и онъ обратился за объясненіями къ Бедрягѣ. Этотъ же, упустивъ изъ вида, что чрезъ руки Текелли прошло уже нѣсколько мѣсячныхъ рапортовъ, въ которыхъ Шутовичъ былъ показанъ сверхкомплетнымъ, отрекся отъ того, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ показалъ его уже зачисленнымъ, видя, что начальство обратило на то вниманіе.

Поручикъ Феешъ жаловался, что Бедряга безъ всякаго повода и причины устранилъ его отъ командованія ротой и оскорбилъ публично. Поручикъ, прося перевода, говоритъ, что онъ не имѣетъ уже «въ томъ полку ревности службы». И это справедливое его замѣчаніе является обычнымъ послѣдствіемъ подобнаго отношенія начальника къ подчиненнымъ. Бедряга и его помощникъ Примьеръ-Маіоръ Дмитріенъ, извѣстный своею блестящею храбростію въ бою, очень часто принуждали неугодныхъ имъ офицеровъ подавать челобитныя о переводѣ. — «А я себѣ, говорилъ властный командиръ, съ другихъ полковъ офицеровъ *наберу*». Это была не пустая фраза, а легко приводимая тогда въ исполненіе. Обви-

няли Бедрягу и въ томъ, что онъ позволялъ себѣ на ученияхъ, на разводахъ безъ всякой причины браниться «не приличными чести офицера словами»; «болванъ, дуракъ, мямля» были обычными эпитетами, съ какими онъ обращался къ офицерамъ, и даже потеряли характеръ оскорбительныхъ словъ, а обижались офицеры, что называется, нецензурными выраженіями, кои, впрочемъ, въ челобитныхъ приводятся въ подлинномъ видѣ.

Всѣ эти оскорбленія Бедряга наносилъ умышленно, чтобы только принудить намѣченныхъ имъ офицеровъ искать перевода: — «Я васъ въ *своемъ* полку не желаю, а наберу себѣ другихъ офицеровъ». Онъ настаивалъ, чтобы офицеры, ему не угодные, подавали просьбы о переводѣ «конечно» и чтобы послѣ на него уже «не пеняли». Значить, этотъ Бедряга смотрѣлъ на полкъ Харьковскій, какъ на свой собственный, и набиралъ себѣ штатъ офицеровъ угодныхъ, какъ набираютъ прислугу. Ему, видимо, надо было такихъ, кои подписывали-бы статьи расхода, не интересуясь ими, кои сидѣли-бы въ безконечныхъ отпускахъ подъ видомъ разныхъ командировокъ, не вспоминая о жалованіи и предоставляя его въ полное распоряженіе командира.

Почти всѣ офицеры, принося жалобу на Бедрягу и прося о переводѣ, прибавляли, что они съ большимъ сожалѣніемъ оставляли полкъ, гдѣ охотно продолжали-бы службу. Оправдываясь отъ взводимыхъ на нихъ напрасныхъ обвиненій, они ссылались на свидѣтельство своего любимаго прежняго командира, Николая Ивановича Чорбы. Кромѣ перечисленныхъ обвиненій, было еще много и другихъ, но нечего о нихъ говорить здѣсь; достаточно и приведенныхъ, чтобы составить себѣ понятіе о внутренней жизни полка ¹⁾.

Неисполненіе полковникомъ уставовъ, инструкцій, «строжайшихъ» предписаній начальства, превышеніе власти, про-

¹⁾ Мос. арх. Дѣла Румянцева, рапорты Текелли Потемкину и челобитныя, ЖЖ описи и связокъ остались также непомѣченными.

изволь и «грабежъ наглый людей» дѣйствовали на подчиненныхъ заразительно, какъ всякій другой примѣръ, и повели къ ближайшему слѣдствію — къ упадку дисциплины. Беспорядки, царившіе въ полкахъ, не ускользали всетаки отъ внимательныхъ начальниковъ, какимъ былъ, напр., Румянцевъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ своемъ orderѣ кн. Потемкину (отъ 20 декабря 1772 года).

Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ упадка дисциплины и дурного поведенія офицеровъ, почеркнутые изъ рапортовъ Г. Пор. фонъ-Дерфельдена Румянцеву и изъ послужныхъ списковъ: Харьковскаго полка Подполковникъ Вуичъ, временно заступая командира, передалъ чрезъ казначея приказаніе Майору Міаковичу запечатать казенный ящикъ (денежный). Послѣ, узнавъ, что его приказаніе осталось неисполненнымъ, Вуичъ, при встрѣчѣ съ майоромъ, подтвердилъ его лично. Но Міаковичъ и на этотъ разъ не повиновался, оказавъ при томъ и другія непослушанія. Вуичъ пропустилъ этотъ случай, оставивъ его ненаказаннымъ, стѣсняясь, вѣроятно, проявить власть по отношенію къ товарищу. Но ему скоро пришлось пожалѣть о томъ, ибо не замедлили появиться послѣдствія неправильнаго понятія о товариществѣ — «дерзновенія подчиненнаго, каковыхъ отъ слабости командира всегда ожидать должно» (слова Румянцева, сказанныя по этому поводу).

При выступленіи полка въ военный походъ, Міаковичъ напился пьянъ и все время страшно безобразничалъ на глазахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Командовавшій полкомъ Вуичъ пробовалъ-было его урезонивать, но, когда это не помогло, сдѣлалъ ему официальное замѣчаніе и потребовалъ прекратить предосудительное поведеніе. Въ отвѣтъ на это, Міаковичъ началъ громко бранить самыми отчаянными словами подполковника и, въ концѣ, вызывалъ «на сабли»; онъ продолжалъ неистовствовать, пока не былъ, наконецъ, арестованъ, при чемъ угрожалъ убить Вуича. Послѣ всего этого

последній вынужденъ былъ подать рапортъ, гдѣ подробно описывалъ все поведеніе Міаковича.

Эта некрасивая исторія, разыгравшаяся въ полку, во всѣхъ подробностяхъ сдѣлалась извѣстна Румянцеву. Разобравъ, онъ, какъ Вуича, такъ и Міаковича, призналъ виновными въ нарушеніи воинскаго устава и порядка службы: Міаковича въ дерзости, ослушаніи и пьянствѣ, Вуича,— что онъ при первомъ-же столкновеніи съ Міаковичемъ не сохранилъ «субординаціи, которая составляетъ, такъ сказать, душу службы, но умолчалъ совсѣмъ о непослушаніи, нигдѣ въ благоустроенномъ войскѣ нетерпимомъ». Дальнѣйшіе беспорядки, произведенные Міаковичемъ, Румянцевъ объяснялъ непозволительною слабостью Вуича. Въ резолюціи своей Румянцевъ призналъ ихъ обоихъ виновными, приказалъ отрѣшить «отъ полку» и произвести слѣдствіе для поступленія съ ними по закону. Результаты слѣдствія неизвѣстны, но въ полку остались оба офицера. Вуичъ былъ убитъ въ сраженіи (1773 г.) Міаковичъ по окончаніи войны ушелъ (1774 г.) примьеръ-маіоромъ въ отставку. Исторія улеглась, видимо, благодаря войнѣ и заслугамъ этихъ офицеровъ. Для пресѣченія на будущее время подобныхъ беспорядковъ Румянцевъ предписалъ Потемкину объявить по ввѣреннымъ ему войскамъ о случившемся въ Харьковскомъ полку нарушеніи дисциплины съ напоминаніемъ, что за подобное, «а паче (за) ослушаніе на чальникамъ своимъ», виновные будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности. По поводу происшедшихъ беспорядковъ Румянцевъ въ ордерѣ своемъ (20 декабря 1772 г.) высказывалъ сильное неудовольствіе. Это очень его огорчало потому, что онъ въ числѣ всѣхъ своихъ преобразованій особенное вниманіе обращалъ на введеніе строжайшей дисциплины въ войскахъ.—«Потворствомъ можно испортить лучшую армію», говорилъ онъ. Благодаря только строгой, введенной имъ дисциплины, можно было удерживать солдатъ

отъ грабежа, чему они тогда постоянно предавались, часто для этой цѣли бросая преслѣдованіе непріятели. Съ этимъ зломъ, часто приносившимъ печальные результаты, Румянцевъ боролся всѣми силами. По этому поводу онъ писалъ: «конный, слѣзающій съ коня для ограбленія убитаго, подвергается опасности быть застрѣленнымъ *отъ своего офицера*; столь сее важно, а офицеръ сему не препятствующій въ его взводѣ, тотчасъ долженъ (быть) арестованъ отъ ближайшаго штабъ-офицера»¹⁾.

Вотъ еще примѣръ нарушенія дисциплины, также сдѣланной извѣстнымъ Румянцеву: въ формулярѣ Секундъ-Маіоръ Шутовичъ аттестовался недостойнымъ къ производству въ слѣдующій чинъ. Причинами такой аттестациі были выставлены: неприлежаніе къ службѣ, неоднократныя противодѣйствія полковому командиру, ослушаніе и разные грубые поступки «маравшіе честь», послужившіе въ свое время причиною отрѣшенія его отъ завѣдыванія командою. Шутовичъ служилъ въ полку далеко уже не первый годъ, почему, казалось-бы, долженъ былъ хорошо извѣстенъ начальству. Обвинивъ офицера въ такихъ многочисленныхъ и недостойныхъ проступкахъ, кои загладить скоро было нельзя, въ слѣдующемъ уже формулярномъ спискѣ, т. е., чрезъ полгода, Шутовича показали достойнымъ къ производству и аттестованнымъ хорошо. Такая послѣдняя перемѣна мнѣнія о личности офицера, при томъ не молодого, можетъ только доказывать, какъ ошибочно и пристрастно дѣлались аттестациі. Далѣе, Шутовичъ не замедлилъ (формулярный списокъ слѣдующаго полугодія) повести себя опять такъ, что пришлось подписать въ короткое время третью по счету аттестацию, въ которой онъ снова былъ выставленъ съ самой дурной стороны. Дѣйствительно Шутовичъ подалъ какую-то ложную челобитную на командира полка, попалъ подъ слѣдствіе и, по окончаніи его, былъ отрѣшенъ Брига-

¹⁾ Мос. арх. оп. 194, св. 10.

иромъ Пищевичемъ отъ командованія и посаженъ подъ арестъ. Во время вахтъ-парада въ лагерѣ онъ «забранилъ» маіора старше себя словами въ печати не употребляемыми, но точно обозначенными въ дѣлахъ. Поведеніе этого безпокойнаго маіора, творившаго въ Харьковскомъ полку многія безобразія, дошло до свѣдѣнія входившаго во все Румянцева. Разсмотрѣвъ его формулярный списокъ, онъ въ ордерѣ своемъ обращалъ вниманіе ближайшаго начальства и на то ненормальное явленіе, что *Капитанъ* Шутовичъ во время минувшей турецкой войны, не желая переносить тягостей военнаго времени, ушелъ въ отставку, будучи произведенъ въ слѣдующій чинъ. Пробывъ въ отставкѣ годъ, «пользуясь лучшимъ покоемъ», онъ снова поступилъ на службу въ Харьковскій-же полкъ, но уже *маіоромъ*, чиномъ, полученнымъ при отставкѣ, благодаря чему и сдѣлался старше многихъ. И уже послѣ всего этого, вслѣдствіе лишь вмѣшательства Румянцева, этотъ маіоръ за цѣлый рядъ учиненныхъ безобразій былъ, наконецъ, удаленъ изъ полка ¹⁾.

Въ формулярныхъ спискахъ часто попадаетъ упоминаніе о пьянствѣ.—Міоковичъ, о чемъ говорилось выше, на примѣръ, въ пьяномъ видѣ наносилъ оскорбленія командовавшему полкомъ. О томъ-же свидѣтельствуетъ и нижеприводимый примѣръ. Пьянство и безобразіе, учиняемые офицерами въ этомъ видѣ, въ полку терпѣлись обыкновенно долго, и только какой либо выдающійся поступокъ влекъ уже за собою наказаніе и за это, или былъ причиною аттестациі, гдѣ, какъ-бы между прочимъ, говорилось о пьянствѣ и о неразлучныхъ съ нимъ безобразіяхъ. Въ полку обрѣтался нѣкій Капитанъ Ракичъ, родомъ сербъ; онъ, какъ говорилось въ аттестациі, «часто обращался въ пьянствѣ, доходившемъ до безпамятства». Онъ заводилъ въ полку безконечныя исторіи, учинялъ въ пьяномъ видѣ всевозможныя безобразія, за что часто подвергался наказаніямъ. И сидѣлъ

¹⁾ Мос. арх. еп. 214, св. 167.

этотъ Капитанъ Ракичъ почти постоянно подъ арестомъ *на хлѣбъ и водѣ*. Когда-же полкъ находился на маршѣ, наказаннаго Капитана Ракича по большей части вели *тѣшкомъ* сзади полка. Но будучи въ мирное время бесполезнымъ и даже вреднымъ офицеромъ, Капитанъ Ракичъ во время войны не шелъ уже сзади, а на конѣ впереди съ неустрашимою храбростью, очертя голову, кидался въ толпы непріятеля, увлекая всѣхъ за собою. Его послужной списокъ (перевелся онъ въ полкъ изъ Острогожскаго гусарскаго полка въ 1771 году) былъ сплошь исписанъ походами и сраженіями, въ коихъ онъ принималъ участіе, всегда оказывалъ незаурядную храбрость, запечатлѣвая не разъ ихъ своею кровью. Въ уваженіе этого, вѣроятно, полкъ долго терпѣлъ этого буяна и отдалъ подъ судъ, когда его преступленіе уже нельзя было скрыть—онъ, въ пьяномъ видѣ, конечно, убилъ маркитанта. Исторія эта имѣла какую-то романическую подкладку. Изъ формулярнаго списка можно только видѣть, что Капитанъ Ракичъ убилъ маркитанта изъ-за какой-то турчанки «Генераль-Маіора и Кавалера Чорбы, которую яко-бы сей маркитантъ увезъ». Чорба и предалъ его суду. Два года Ракичъ состоялъ подъ судомъ; въ теченіе ихъ тянулось слѣдствіе (въ дѣлахъ его, къ сожалѣнію, нѣтъ) и окончилось благопріятной для капитана конфирмаціею. Солтыковъ, въ уваженіе боевыхъ заслугъ, оставилъ Ракича на службѣ въ томъ-же чинѣ, приказавъ подвергнуть его только церковному покаянію, «хотя», прибавляетъ Солтыковъ, «за это преступленіе подлежало-бы по военнымъ артикуламъ его, Ракича, написать на одинъ годъ въ рядовые» ¹⁾. Въ 1776 году Ракичъ ушелъ капитаномъ-же въ отставку—его, бѣднягу, въ наказаніе не удостоили уволить чиномъ секундъ-маіора.

Всѣ эти приведенные примѣры рисуютъ ясно полковую жизнь того времени. Особенно бросается въ глаза то об-

¹⁾ Ibidem, св. 152.

стоятельство, что во всѣхъ исторіяхъ, обвиненіяхъ въ пьянствѣ и нарушеніи дисциплины фигурируютъ старшіе чины—подполковники, секунд-маіоры, капитаны (все иностранцы). Младшіе-же офицеры рѣдко попадаютъ съ дурными аттестациями. А штабъ офицеры, по правиламъ того времени, совместно съ командиромъ полка составляли полугодовые аттестационные формулярные списки младшихъ офицеровъ! При этомъ они должны были каждый разъ давать на бумагѣ такую подписку—«клятвенное обѣщаніе»,—что будутъ дѣлать аттестация безпристрастно и по совѣсти. Мы видѣли, что самъ командиръ полка совершилъ рядъ проступковъ, свидѣтельствовавшихъ о его пристрастіи, несправедливости, если не сказать болѣе. Можно поэтому сомнѣваться въ правдивости аттестатовъ, на основаніи которыхъ офицеры награждались и производились въ чины, если судьями нравственности и отношенія къ службѣ являлись люди безнравственные, сами нарушавшіе такъ часто дисциплину и не оказывавшіе «никакого прилежанія къ службѣ». Понятны поэтому мольбы офицеровъ о переводѣ ихъ куда угодно, лишь-бы изъ Харьковскаго полка, въ которомъ командиръ оббиралъ ихъ и обращался съ ними, какъ со слугами, а штабъ-офицеры или пьянствовали, затѣвая ссоры, или являлись его сторонниками (Примѣръ-Маіоръ Дмитріевъ).

Виновникомъ всѣхъ этихъ не порядковъ и притѣсненій, начавшихъ царить въ полку послѣ Чорбы, являлся полковникъ Бедряга, принявшій полкъ въ 1774 году. Чорба былъ исключенъ изъ списковъ полка только 20 декабря. Въмѣсто его командиромъ Харьковскаго полка назначенъ былъ баронъ Галосъ, подполковникъ Сумскаго гусарскаго полка, но онъ въ полкъ совсѣмъ не пріѣзжалъ, долго находился на излеченіи въ измаильскомъ госпиталѣ, гдѣ и умеръ. Новый командиръ, Полковникъ Бедряга, происходилъ изъ русскихъ потомственныхъ дворянъ, былъ старый служака и заслуженный офицеръ. Формуляръ его, испещренный совершенными

имъ походами, битвами, гдѣ онъ участвовалъ и очень часто отличался, представляетъ его съ самой лучшей стороны. Полкъ принялъ Бедряга на 28 году службы. Вступилъ онъ въ нее въ 1746 году рядовымъ и числился въ этомъ званіи 8 лѣтъ. Бедряга участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ (съ 1757 по 1760) и въ корпусѣ гр. Чернышева былъ при взятіи Берлина, гдѣ съ эскадрономъ гусаръ разбилъ при батареяхъ кирасиръ. Въ послѣдней турецкой войнѣ онъ былъ въ крымскомъ походѣ (1771 года) при взятіи с.г. Перекопа и Каффы, отличился храбростью и былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Въ слѣдующемъ году, во время похода въ Польшу, командуя отдѣльнымъ деташементомъ, разбилъ двухъ польскихъ маршаловъ и, наконецъ, былъ участникомъ усмиренія Пугачевского бунта ¹⁾.

Къ 1775 году относятся нѣкоторыя измѣненія, внесенныя въ штатъ тогдашнихъ гусарскихъ полковъ; измѣненія эти, впрочемъ, были очень незначительныя. Такъ, введены были въ штатное число кадеты, или унтеръ-офицеры изъ дворянъ; все отличіе ихъ въ формѣ обмундированія заключалось въ золотомъ галунѣ на киверѣ. Въ слѣдующемъ году подвергнулась нѣкоторымъ измѣненіямъ форма—спанчи вмѣсто прежнихъ синихъ положено было имѣть желтые ²⁾. Нововведеніемъ былъ также полковой гербъ. Харьковскому полку былъ утвержденъ (12 іюня 1775 года) старинный гербъ Харькова, когда онъ былъ еще исключительно полковымъ городомъ харьковскаго слободскаго казачества. На щитѣ въ зеленомъ полѣ положенъ крестообразно золотой рогъ изобилія съ находящимися въ немъ плодами и цвѣтами и «кадуцей» (caduceus)—жезлъ бога молниенности и торговли—золотой съ серебромъ. Гербъ этотъ знаменовалъ собою плодородіе страны, гдѣ лежалъ Харьковъ, по-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Висковат., т. V.

стоянная стоянка полка, и значительную торговлю на бывших въ городѣ большихъ ярмаркахъ. Съ этимъ гербомъ положено было вначалѣ дѣлать всѣ мѣдныя вещи, но въ томъ-же году, въ виду затрудненія доставлять таковыя каждому полку, повелѣно было частные полковые гербы имѣть только на штандартахъ и полковыхъ печатяхъ; прочія-же вещи—съ государственнымъ гербомъ ¹⁾).

Глава VI.

Смуты въ Крыму.—Походы туда нашихъ войскъ.—Численность полка при выступленіи.—Зимняя стоянка.—Холодъ и голодъ.—Характеръ военныхъ дѣйствій.—Дурное состояніе лошадей, причины ихъ гибели.—Денежные отпуски на пополненіе убыли.—Походы.—Присоединеніе Крыма.—Послѣдній походъ.—Потери 1782 года.—Кочеваніе полка.—Бригадиры Высоцкій и Неплюевъ.—Реформы Потемкина.—Отпущки отъ казны.—Новая форма одежды.—Путешествіе Императрицы Екатерины II.—Письмо ея о легко-конныхъ полкахъ.—Маневры на поляхъ полтавскихъ.

Отя первая Турецкая война и окончилась, но для обѣихъ сторонъ было ясно, что заключенный миръ не болѣе, какъ временное только перемиріе. Собственно говоря, даже военныя дѣйствія не вполне прекратились—онѣ велись на границахъ татарскихъ владѣній. Одно условіе мира—независимость Крымскаго полуострова, на что Порты согласилась лишь въ силу необходимости, должно было вызвать новую войну. Турція старалась вернуть Крымъ, тайно возбуждала татаръ противъ Шагинъ-Гирея, избраннаго ханомъ при содѣйствіи Россіи. Новый ханъ смѣнилъ прежняго, Девлетъ-Гирея, сторонника Турціи. Поддерживаемый султаномъ, изгнанный ханъ явился снова въ Крымъ и низложилъ Шагинъ-Гирея. Съ того времени въ Крыму началась вооруженная борьба партій, изъ коихъ каждая старалась посадить на ханскій престолъ своего кандидата. Одного изъ нихъ поддерживала проискама и интригами Турція, другого русское войско, такъ какъ Россія, пользуясь безпорядками, какъ предлогомъ вмѣшательства, ввела свои силы во владѣнія татаръ. Походы въ Крымъ продолжались нѣсколько лѣтъ до полнаго присоединенія его къ Россіи (1783 годъ). Войска наши то очищали полуостровъ, то снова возвращались туда.

¹⁾ Пол. Соб. Зап., т. XX, № 14899.

Послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджискаго мира, въ виду возможности новыхъ осложненій, нѣкоторые полки, распущенные уже по домамъ, снова были, по распоряженію Румянцева, двинуты во внутрь ногайскихъ степей и въ Крымъ. Харьковскій гусарскій полкъ вернулся на самое короткое время въ Харьковъ. Въ 1775 году онъ ходилъ для отбыванія кампанента въ урочище Станиславскъ, въ 573 верстахъ отстоящее отъ Харькова, а въ августъ того-же года находился въ крѣпости Св. Елисаветы, состоя въ 3-й Украинской дивизіи Г. Фельдмаршала Румянцева Задунайскаго ¹⁾. Въ слѣдующемъ году полкъ былъ назначенъ въ составъ корпуса кн. Прозоровскаго, имѣвшаго своимъ назначеніемъ не пропускать турокъ въ Крымъ для его занятія. Харьковцы въ сентябрѣ находились уже на сборномъ пунктѣ при кр. Александровской, состоя въ командѣ Г.-П. Озерова и въ бригадѣ Г.-М. Волконскаго (Харьковскій, Сумской и Чугуевскіе казаки). Полкъ выступилъ въ походъ подъ командою Полковника Бедряги, считая въ рядахъ своихъ здоровыхъ всѣхъ чиновъ 735 человекъ (при 23 офицерахъ) и 813 лошадей ²⁾.

Отъ крѣпости Александровской корпусъ Прозоровскаго двинулся далѣе на югъ; занявъ съ боя перекопскую линію и крѣпость, онъ расположился на полуостровѣ на зимнія квартиры. Харьковскій полкъ болѣе другихъ задержался около Перекопа въ д. Бацербя. Здѣсь засталъ его 1777 г. Въ бѣдной татарской полусожженной и оставленной жителями деревушкѣ не радостно проводили Харьковцы праздникъ Рождества Христова и грустно встрѣтили новый годъ. Живя по недостатку провіанта впроголодь, они вспоминали только, какъ на Украинѣ родные имъ хохлы вкусно ѣли въ тѣ дни пироги и другія традиціонныя блюда «великаго вѣчера» (сочельника) и какъ весело проводили время въ ко-

¹⁾ Мос. арх. оп. 205, № 11.

²⁾ Дубровинъ. Матеріалы къ прис. Крыма.

ладахъ и годаньяхъ. Ютились Харьковцы въ жалкихъ домишкахъ, плохо приспособленныхъ къ холодному времени, а зима того года, на ихъ несчастье, была изъ ряда выходящая по своимъ чрезвычайнымъ стужамъ и мятелямъ. Люди терпѣли голодъ и холодъ, а лошади страдали отъ полного недостатка фуража. Къ тому-же, не смотря на неблагоприятное время года, трудовъ приходилось имъ нести не мало, хотя военныхъ дѣйствій почти и небыло. На обязанности полковъ, подѣленныхъ на небольшія команды, было возложено наблюденіе за морскимъ побережьемъ, чтобы не допускать какихъ либо сношеній жителей съ турками. Ихъ корабли, лишь только море очищалось ото льда, постоянно дѣлали попытки подходить къ берегу. Приходилось, рыская по опустошенной странѣ, наблюдать за самыми жителями и не допускать ихъ собираться въ скопища. Множество деревень въ Крыму лежало въ развалинахъ, сожженныхъ нашими войсками и татарами. Послѣдніе ушли изъ нихъ и, съ наступленіемъ теплаго времени, начали собираться въ большія партіи. Съ ними-то приходилось и воевать. Военныя дѣйствія эти были ничѣмъ не замѣчательны. Наши войска разгоняли только толпы конныхъ татаръ, противниковъ Шачинъ-Гирея, кружившихся обыкновенно около нашихъ отрядовъ и разлетавшихся въ разныя стороны при первыхъ-же выстрѣлахъ.

Въ теченіи лѣта болѣе серьезное столкновеніе произошло при р. Салгирѣ, гдѣ татары огромною толпою — «съ превеликою фуріею» — напали на наши войска, но были разсѣяны, оставивъ на полѣ сраженія многихъ. Съ нашей стороны было убито нѣсколько гусаръ и чугуевскихъ казаковъ. Но, по большей части, все сводилось лишь къ погонѣ за конными толпами татаръ, съ быстротою перелетавшихъ съ мѣста на мѣсто. Полкъ Харьковскій пробылъ въ Крыму по іюнь 1778 года и въ теченіи этого своего пребыванія на полуостровѣ понесъ страшную потерю въ лошадяхъ. Въ рапортѣ

своемъ (отъ 2 марта 1777 года) Прозоровскій доносилъ Потемкину, что въ гусарскихъ полкахъ много было тогда худыхъ и старыхъ лошадей, которыя не въ состояннн уже были переносить усиленные труды. Прозоровскій отчасти относилъ это къ дурному досмотру. Но надо взять во вниманіе, что, напр., Харьковскій полкъ, предъ походомъ своимъ въ Крымъ, только что почти возвратился изъ Турціи, пробывъ въ безпрестанныхъ движеніяхъ съ 1768 года. За короткое время своего пребыванія въ предѣлахъ Имперіи онъ не могъ, конечно, обновить свой конскій составъ. Не мудрено, что лошади въ полку были плохи, что много было старыхъ, разбитыхъ на ноги, запаленныхъ и слѣпыхъ. Всѣ же неблагоприятныя условія, при коихъ полкъ находился въ Крыму, много способствовали къ гибели и безъ того обезсиленныхъ уже лошадей. Подъемныя лошади всѣ погибли въ Крыму вслѣдствіе безпрестаннаго употребленія ихъ для доставки изъ-далека провіанта и фуража. Строевые-же лошади гибли отъ сильной стужи и плохихъ конюшенъ, отъ недостатка корму и форсированныхъ маршей въ суровое время года, ибо осень и зима 1776—1777 годовъ прошли въ безпрестанныхъ движеніяхъ. Фуражировки производились въ пустыхъ деревняхъ, жители коихъ ушли въ скопища, и мало что удавалось находить въ нихъ. Лошади были буквально впроголодь, а на этихъ захудалыхъ коняхъ приходилось еще нести сторожевую и развѣдывательную службу, гоняться за мелкими татарскими отрядами, что, конечно, страшно изнуряло ихъ ¹⁾).

Всѣ эти невзгоды были причиною того, что, со времени ухода изъ-подъ Александровской крѣпости (сентябрь 1776 г.) по выступленіи изъ Крыма (іюнь 1778 годъ), въ Харьковскомъ полку убыло строевыхъ лошадей 673 и подъемныхъ 101 ²⁾—всего 774, т. е., за это время погибли почти всѣ

¹⁾ Мос. арх. оп. 194, св. 106.

²⁾ Ibidem, № 192.

лошади, такъ какъ пошло ихъ въ походъ 813. Безкормица и дурныя помѣщенія способствовали развитію роковой для лошадей болѣзни—сапа. Эта заразительная болѣзнь свирѣпствовала въ полкахъ въ теченіи двухъ лѣтъ (1777—1778 г.) и поглотила громадное число жертвъ. Въ Харьковскомъ полку въ первый годъ погибло ихъ 119, во второй 127 ¹⁾—всего 246, что составляло одну треть всей общей гибели лошадей. Главная-же масса ихъ пала отъ изнурительныхъ трудовъ и безкормицы.

Кромѣ обычнаго ежегоднаго ремонта, приводимаго изъ оставшагося въ Харьковѣ запаснаго эскадрона, на пополненіе этой страшной убыли лошадей были отпущены деньги. Въ первый разъ кн. Прозоровскій, дѣлая осмотръ, выдалъ Харьковскому полку въ числѣ другихъ 6,018 руб. на покупку 307 строевыхъ и 41 подъемныхъ лошадей, во второй разъ—2658 р. на покупку 133 строевыхъ и 22 подъемныхъ. Дѣлалъ инспекторскій осмотръ войскамъ и Потемкинъ, прїѣзжавшій въ Крымъ. Онъ также нашелъ большой недостатокъ лошадей въ полкахъ и сдѣлалъ отпускъ денегъ для пополненія убыли;—Харьковскому 828 р. Всего, значить, было дано полку 9504 р. ²⁾ (на всѣ полки 90,756 р.). Это далеко, впрочемъ, не пополняло всей убыли, такъ какъ были отпущены деньги только лишь на 486 строевыхъ и 63 подъемныхъ лошади.

За неимѣніемъ въ архивахъ мѣсячныхъ рапортовъ полка за то время, нельзя видѣть, въ какомъ численномъ составѣ вышелъ Харьковскій полкъ изъ Крыма, т. е., сколько лошадей удалось ему приобрести на данныя деньги. Но можно предположить, что онъ въ томъ встрѣтилъ большія затрудненія, такъ какъ всѣ кавалерійскіе полки нуждались тогда въ огромной массѣ лошадей, которыхъ купить одновременно, конечно, было не легко.

¹⁾ Ibidem, оп. 214, № 178.

²⁾ Ibidem, оп. 194, св. 192.

Изъ Крыма полкъ не направился въ Харьковъ, а пошелъ въ числѣ 5-ти эскадроновъ, къ предѣламъ Польскаго Королевства, гдѣ и находился по октябрь 1779 года, будучи расположенъ въ лагерѣ при м. Заславлѣ, и только оттуда возвратился домой. Въ 1780 году Харьковцы ходили въ Бѣлоруссію на встрѣчу Императрицы Екатерины, но подробности неизвѣстны ¹⁾).

Между тѣмъ, вѣковые наши счеты съ Крымомъ сводились къ концу. Въ 1783 году, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Суворова, заявившаго себя при этомъ ловкимъ дипломатомъ и дѣятельнымъ администраторомъ, это разбойничье гнѣздо, отъ котораго такъ долго и много терпѣла Россія, путемъ почти мирныхъ переговоровъ обратилось въ Таврическую губернію. Конечно, Суворовъ, пуская въ ходъ дипломатію, для большей вразумительности опирался на штыки и сабли русскаго войска, находившагося въ Крыму. Въ 1782 году Харьковцамъ пришлось въ послѣдній разъ уже совершить военный походъ противъ того Крыма, съ которымъ такъ часто приходилось воевать, отъ котораго въ продолженіи цѣлаго столѣтія полкъ терилъ набѣги, грабежи, и гдѣ Харьковскіе казаки томились постоянно въ неволѣ, въ «кайданахъ». Этотъ 1782 годъ снова выдѣляется изъ числа другихъ громадною убылью въ лошадяхъ. Въ одинъ только этотъ годъ въ полку пало и было пристрѣлено за сапомъ и другими неизлечимыми болѣзнями 457 лошадей ²⁾! Особенно свирѣпствовалъ сапъ въ теченіи первой трети года: на нее приходится 399 лошадей! Эта ужасная болѣзнь была тогда почти обыкновеннымъ явленіемъ. Изъ года въ годъ уносила она лошадей сотнями; и это было тогда рѣшительно во всѣхъ полкахъ.

Изъ Крыма Харьковскій полкъ пошелъ блуждать по разнымъ городамъ: побывалъ онъ въ м. Водолагахъ (Новорос-

¹⁾ Полковой формуляръ.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

сійской губ.), отбылъ въ 1783 году лагерный сборъ въ м. Архангельскій Шанецъ (той-же губ.) и остался тамъ до половины 1784 года. Послѣ этого возвратился уже въ своей родной городъ, гдѣ его застали реформы и преобразованія, вводимыя Потемкинымъ — Таврическимъ.

Полковникъ Бедрыга прокомандовалъ полкомъ по 1778 г. — почти все это время прошло въ походахъ въ Крымъ. Сдалъ онъ полкъ Бригадиру Высоцкому, имѣвшему лишь 25 лѣтъ отъ роду. Высоцкій происходилъ изъ русскихъ дворянъ; по обычаю того времени, онъ 15-ти лѣтъ былъ записанъ въ лейб-гвардію въ солдаты. По именному указу Императрицы въ 1772 году былъ переведенъ въ армію подпоручикомъ и въ томъ-же году, тѣмъ-же чиномъ снова былъ принятъ въ гвардію. Въ турецкой войнѣ участвовалъ онъ волонтеромъ. О подвигахъ его на поляхъ брани формулярный списокъ умалчиваетъ совершенно. Въ чинахъ-же этотъ счастливецъ двигался необыкновенно быстро, награждаемый за заслуги, по всей вѣроятности, заключившіяся лишь въ имѣніи протекціи въ комъ либо изъ сильныхъ міра. Черезъ три года своей службы въ офицерскихъ чинахъ онъ уже былъ подполковникомъ Острогожскаго гусарскаго полка и флигель-адъютантомъ Ея Императорскаго Величества. Въ 1778 году онъ былъ назначенъ Потемкиномъ командиромъ Харьковскаго полка, а черезъ два года, тоже за какія то заслуги, былъ награжденъ чиномъ бригадира. Чѣмъ могъ Высоцкій такъ отличаться въ мирное время, его весьма скромный формулярный списокъ того не поясняетъ, а хронологически лишь перечисляетъ его необыкновенно быстрые служебные шаги. Во время его командованія полкъ совершилъ только одинъ военный, но безкровный походъ въ Крымъ (въ 1782 году), гдѣ отличиться было нельзя.

Въ слѣдующемъ году Бригадира Высоцкаго (неизвѣстно, какое онъ получилъ назначеніе) смѣнилъ новый командиръ

Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, зачисленный не задолго предъ тѣмъ въ Харьковскій полкъ полковникомъ сверхъ комплекта. Неплюевъ составлялъ противоположность своему предшественнику въ служебныхъ успѣхахъ, получивъ чинъ полковника лишь на 21-мъ году своей службы. Принялъ онъ полкъ, по приказанію Потемкина, въ чинѣ бригадира. Во время его командованія полкъ подвергнулся многимъ преобразованіямъ и участвовалъ во второй турецкой войнѣ ¹⁾.

Потемкинъ въ исторіи русской арміи, особенно кавалеріи, является не послѣднимъ преобразователемъ; ему она была обязана многими благотворными нововведеніями. Относительно кавалеріи онъ требовалъ, чтобы она была обучена лишь тому, что ей исключительно свойственно и необходимо въ бою: развитія карьера при атакахъ, быстрыхъ поворотовъ, заѣздовъ и построений фронта. Но этого-же, впрочемъ, требовалъ отъ кавалеріи и Румянцевъ, такъ что Потемкинъ лишь приводилъ все то въ исполненіе, пользуясь громадною властью, особенно послѣ назначенія своего (2 фев. 1784 года) президентомъ Военной Коллегіи. Это дало ему полную возможность проводить свои реформы, тогда какъ Румянцевъ могъ предъявлять свои требованія только подчиненнымъ ему войскамъ и то вопреки дѣйствовавшимъ тогда уставамъ. Подробно входить въ разсмотрѣніе реформъ Потемкина (по вышесказанной причинѣ) мы также не будемъ, а рассмотримъ только нѣкоторыя изъ нихъ, которыя близко касались полка. Прежде всего Потемкинъ приказалъ (указъ 28 іюня 1783 года) семи полевымъ гусарскимъ полкамъ, въ числѣ коихъ былъ и Харьковскій, именоваться полками «Украинской конницы» ²⁾. Эти полки онъ вскорости преоб-

¹⁾ Ibidem, оп. 214, св. 178.

²⁾ Хрон. Рос. Им. ар. ч. IV, ст. 1291. Кромѣ «Украинской конницы», были еще «Екатеринославская» (поселенные полки) и «Малороссійская» (три легкоконныхъ полка). Названія эти были уничтожены 29 ноября 1796 г. при общемъ переформированіи. Пол. Соб. Зак., т. XXIV, № 17537.

разовалъ въ легкоконные и далъ имъ новую форму, не имѣвшую ничего общаго съ гусарскою, преслѣдуя, не въ ущербъ красотѣ, удобство и простоту. По новому штату, утвержденному для легкоконныхъ, въ каждомъ полку полагалось имѣть всѣхъ чиновъ 1047 при 6-ти эскадронномъ, по прежнему, составѣ ¹⁾, сила коихъ опредѣлялась въ 162 человекъ всѣхъ чиновъ и 150 коней, а во всемъ полку 910 строевыхъ и 86 подъемныхъ лошадей. Въ 1786 году Потемкинскимъ былъ изданъ прекрасный уставъ по хозяйственной части. Въ немъ съ замѣчательною точностью опредѣлялись всѣ денежные отпуска отъ казны на каждый предметъ отдѣльно. Согласно этому уставу, командиру полка полагалось въ годъ жалованія 849 р., младшему штабъ-офицеру 387 р. 75 к., ротмистру 279, корнету 145 р. 50 к.—Это уже за вычетомъ на медикаменты и госпиталь по 2½ коп. съ рубля. Кромѣ того, офицерамъ полагали еще на 8 мѣсяцевъ рационы по 1 р. 50 к. Такихъ рационовъ полковнику полагалось 22, младшему штабъ-офицеру 12, ротмистру 7, корнету 4. Деньщиковъ офицерамъ не полагались—вмѣсто ихъ отпускались деньги: полковнику на 6, секундъ-майору на 2, остальнымъ офицерамъ и чиновникамъ на 1 деньщика. Жалованіе, получаемое отъ казны, было по прежнему очень незначительно, сравнительно съ годовымъ окладомъ нижнихъ чиновъ, получавшихъ при томъ полное казенное содержаніе и обмундированіе. Въ легкоконныхъ полкахъ рядовымъ и состоящимъ съ ними на равныхъ окладахъ въ мирное время полагалось жалованія 8 р. 91 к. въ годъ, а въ военное, а также когда полкъ находился въ походѣ далѣе 100 верстъ отъ того намѣстничества, гдѣ легкоконные полки были расположены (Харьковское, Екатеринославское и др.), по 11 р. 88 к. съ вычетомъ на медикаменты и госпиталь по 2 к.

¹⁾ Штатъ легкоконнаго полка: штабъ-офицеровъ 5, оберъ—32, аудиторъ, комиссаръ, берейторъ, пошъ, лекарь, подлекарей (2)—7, кадетъ—6, писарей 6, трубачей, литаврщики и ученики—14, унтеръ-офицерскихъ чиновъ 70, нестроевыхъ 79, рядовыхъ строевыхъ 828. Пол. Соб. Зак. Книга штатовъ.

съ рубля. Кромѣ жалованія, каждому солдату полагалось еще въ годъ по 2 р. 86 к. амуничныхъ денегъ ¹⁾. Провіанта на каждого нижняго чина полагалось въ мѣсяць — муки 2 четверика, крупы 1½ гарнца, что, согласно штатной цѣнѣ, обходилось въ 4 р 2 к. Ежемѣсячный отпускъ денегъ на полкъ равнялся 28598 р. 80 к. Этими деньгами завѣдывалъ казначей, выбранный на годъ изъ оберъ-офицеровъ.

Порядокъ фуражнаго довольствія и ремонтрованія полка лошадьми остался прежній, только ремонтная цѣна была увеличена до 30 р. на лошадь ²⁾.

Легкоконные полки составляли любимый родъ войска кн. Потемкина, и онъ всячески старался пріохотить къ службѣ въ нихъ. Для этого онъ уменьшилъ общій 25-ти лѣтній срокъ службы до 15 лѣтъ. Остававшіеся-же служить въ нихъ сверхъ этого срока получали для пошени на груди медаль съ надписью съ одной стороны «за усердную службу» и съ вензелемъ Императрицы на другой. За службу свыше 18 лѣтъ полагалась такая-же золотая медаль. Мѣры Потемкина, видимо, достигали цѣли, и въ легкоконныхъ полкахъ жилось хорошо сравнительно. Мѣсячные рапорты свидѣтельствуютъ, что въ полкахъ не только былъ всегда комплектъ, но даже много чиновъ было и сверхъ его. Въ 1786, напр., году, взятомъ на выдержку, не выбирая, въ Харьковскомъ

¹⁾ «Что слѣдуетъ солдату въ годъ за нижнюю годовую амуницію по штатной цѣнѣ денегъ:

сапоги 2 пары по 75 к. съ шитьемъ	1 р. 50 к.
шерстяные чулки (18), носки (5)	23 »
на чулки холщевые полотна 1 ар. 10 вер.	4 ² / ₄ ¹ / ₈
на 2 рубахи холста 12 ар. по 4 к.	48 к.
верхняго штанаго холста 3 ар. по 9 ¹ / ₂ к.	27 ³ / ₄ к.
подкладочнаго холста 3 ар по 5 ¹ / ₂ к.	16 ¹ / ₂ »
за шитье штановъ и на нитки	3/4 »
галстухъ черный волосаной	3 ¹ / ₂ »
на обшивку	4 ³ / ₄ »
темякъ кожаный	2 »
на кремень и патронную бумагу	10 »

2 р. 86 к.

²⁾ Мос. арх. оп. 121 св. 41, № 1.

полку сверхъ штата было секундъ-майоровъ, сидѣвшихъ на ротмистерскихъ ваканціяхъ, 2, ротмистровъ 3, поручикъ 1, кадетовъ 24, унтеръ-офицеровъ 30 — всего 50 человекъ. Нижнихъ чиновъ прельщало служить то обстоятельство, что Потемкинъ всеми силами старался добиться, чтобы въ подвѣдомственныхъ ему войскахъ съ солдатами обходились возможно лучше. Онъ категорически запретилъ побои во время стросвыхъ занятій и за нарушеніе этого грозилъ виновникамъ «большимъ штрафомъ». — «Паче всего я требую», писалъ Потемкинъ въ своихъ приказахъ, чтобы обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію». «Чтобы начальники имѣли болѣе попеченія о людяхъ, нежели о лошадяхъ, и для того менѣе мучили-бы ихъ чисткою лошадей (что практиковалось тогда въ широкихъ размѣрахъ), ибо не въ семь краса полка, а въ преведеніи его въ исправность, нужную для боя».

Все реформы Потемкина клонились къ тому, чтобы изгнать изъ полковъ весь наружный излишній блескъ, за которымъ скрывались часто большіе недостатки, и приспособить конницу лишь къ тому, что могло требоваться отъ нея во время войны. Преслѣдуя все ту же цѣль — облегчить, по возможности, службу для солдатъ, Потемкинъ создалъ для нихъ новую, болѣе удобную форму одежды, изгнавъ все лишнее, что такъ отягощало людей. Онъ справедливо замѣчалъ, «что платье должно служить солдату одеждой, а не тягостью». Прежнюю гусарскую форму, безспорно красивую, но очень сложную, Потемкинъ изгналъ изъ своихъ легкоконныхъ полковъ, говоря, что у солдатъ нѣтъ смугъ, которыми они могли-бы пользоваться при совершеніи туалета. Слово это, какъ нельзя лучше, подходитъ къ прежней формѣ, когда солдату приходилось *убирать* свои волосы, чернить, или наклеивать усы. Туалетъ-же солдатскій, какъ писалъ Потемкинъ, «долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ». При прежней формѣ, чтобы вывести на па-

радъ или смотръ гусарскій полкъ, требовалось не менѣе 12 часовъ на всю процедуру одѣванія.

Получивъ одобреніе своихъ нововведеній отъ Императрицы, Потемкинъ началъ съ того, что остригъ солдатъ, чѣмъ и предохранилъ ихъ спины отъ многихъ палочныхъ ударовъ, сыпавшихся на нихъ прежде изъ-за плохой уборки волосъ. Уничтоживъ сало и муку (что замѣняло у солдатъ фиксагуаръ и пудру), плодившія только нечистоту, онъ спасъ тѣмъ головы отъ грызущаго населенія, ибо короткіе волосы можно было чаще мыть и чесать, не опасаясь испортить прическу.

Новая форма легкоконныхъ полковъ не была такъ богата и изящна, какъ гусарская, но, тѣмъ не менѣе, была все таки красива, а, главное, удобна, проста и вполне соответствовало мѣстному климату; тогда какъ расшитые шнурами гусары въ узкихъ лакированныхъ сапогахъ мерзли и отмороживали себѣ ноги и уши. Новое обмундированіе Харьковскаго полка было такое: синяя суконная куртка съ бѣлыми лужеными пуговицами, съ красными воротникомъ, лацканомъ, обшлагами и опушкою, съ двумя бѣлыми погонами и съ бѣлымъ аксельбантомъ на правомъ плечѣ. Шаровары—красные; по бокамъ ихъ была нашта бѣлая зубчатая выкладка и обшивка, а съ внутренней стороны—черныя кожаныя краги. У офицеровъ, кромѣ того, были еще камзолъ и штаны—бѣлые, пуговицы, погоны и аксельбанты—серебряные.

Головной уборъ составляла легкая поярковая каска съ узкою мѣдною бляхою; на каскѣ былъ бѣлый плюмажъ, черныи султанчикъ, черная лопасть съ висящими внизъ бѣлыми кистями. На курткахъ офицеры носили чрезъ лѣвое плечо черной лакированной кожи лядунку на бѣлой лосиновой перевязи. На крышкѣ лядунки былъ небольшой позолоченный вензель ¹⁾.

¹⁾ Висковатовъ, т. V, ст. 34.

У нижнихъ чиновъ былъ плащъ, пологавшійся на 4 года. Въмѣсто прежнихъ узкихъ сапогъ, что трудно было надѣвать, особенно когда они намокали, дѣлались обыкновенные смазные сапоги, широкіе на столько, что находили на шерстяной чулокъ, предохранявшій отъ обмораживанія и пологавшійся по штату каждому солдату.

Вооруженіе—легкіе карабины, сабли (на бѣлой портупей) и пистолеты—осталось прежнее, равно и конскій уборъ. Въ 1786 году полку были пожалованы штандарты—одинъ бѣлый и пять цвѣтныхъ, по числу эскадроновъ ¹⁾.

Полкъ простоялъ въ Харьковѣ съ 1784 по 1787 годъ, ходя каждое лѣто на лагерныя и участвуя въ небольшихъ маневрахъ, для коихъ войска собирались въ удобныхъ для того мѣстахъ. Весною 1787 года Харьковцы пошли въ г. Кременчугъ, Полтавской губ., для встрѣчи Царицы. Императрица Екатерина въ томъ году, исполняя пламенное желаніе Потемкина, предприняла путешествіе на югъ обозрѣть вновь присоединенныя къ Россіи мѣстности и посмотреть, что дѣлалъ блестящій Князь Тавриды (сей губернаторъ) для культуры и заселенія края. Потемкинъ превзошелъ себя—онъ показалъ Императрицѣ все въ самомъ блестящемъ видѣ, потративъ, правда, на то баснословныя суммы. До Кіева Екатерина ѣхала на лошадахъ, а оттуда, дождавшійся навигаціи,—въ Кременчугъ на галерѣ «Днѣпръ».

30 апрѣля Потемкинъ, толпы народа и собранныя здѣсь войска, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и радостныхъ криковъ, встрѣтили свою Царицу. Государыня, сіяющая и довольная всѣмъ видѣннымъ, сошла съ галеры и въ каретѣ направилась по живой улицѣ изъ разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги войскъ въ домъ губернатора. Мимо него чрезъ нѣкоторое время парадировали полки. Настроенная врагами Кн. Таврическаго, утверждавшими, что наша

²⁾ Хрон. Рос. Им. арм.

кавалерія существуетъ только на бумагѣ въ его отчетахъ, Екатерина очень внимательно смотрѣла на проходившую мимо нея кавалерію. Свѣркая на солнцѣ металлическими частями своего красиваго обмундированія, представляя глазу прекрасную картину, сидя на отличныхъ рослыхъ лошадяхъ, проходили мимо полка, привѣтствуя радостными криками свою любимую Царицу. Впереди шель Екатеринославскій кирасирскій, за нимъ три легкоконныхъ полка—Маріупольскій, Павлоградскій, Полтавскій; за ними маршировали Бугскій егерскій корпусъ и Екатеринославскій гренадерскій полкъ. За пѣхотою снова, легко и стройно выступая, шли легкоконные—наши Харьковцы, Изюмцы и Сумцы.

Блестящій видъ кавалеріи привелъ Императрицу въ восторгъ, и тотчасъ-же, по прибытіи своемъ въ городъ, Екатерина написала письмо Г. Ан. Еропкину. Она писала, что видѣла въ Кременчугѣ «одну треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто оная числится лишь на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ; однако она дѣйствительно на лицо и такова, какой, можетъ быть, никогда подобной не бывало».

На другой день, во время Высочайшаго выхода, Императрицѣ представились всѣ генералы и штабъ-офицеры бывшихъ въ городѣ полковъ. 3-го мая Императорскій кортежъ направился изъ города къ галерѣ, чтобы продолжать путешествіе далѣе по Днѣпру. Почетный конвой былъ отъ кирасиръ, а за каретой Императрицы, ее окружая, ѣхали всѣ кавалерійскіе офицеры. Екатерина чрезъ Потемкина передала войскамъ свое монаршее благоволеніе и благодарность за тотъ образцовый порядокъ, который она замѣтила.

Изъ Кременчуга всѣ войска были переведены въ Полтаву, гдѣ должны были состояться большіе маневры при участіи 20 тысячъ войскъ. Слѣдуя обратно изъ Крыма на Харьковъ, Екатерина прибыла въ Полтаву и присутствовала на маневрахъ, представлявшихъ знаменитую Полтавскую

битву, когда было сломлено могущество Шведовъ и возникло величіе Россіи. Духъ великаго Царя-полководца долженъ былъ радоваться, видя отличныя, побѣдоносныя русскія регулярныя войска, начало которымъ положилъ Онъ. На этихъ маневрахъ Императрица снова видѣла легкую конницу, снова любовалась ея умѣніемъ искусно маневрировать и отдала полную справедливость ея творцу—Потемкину.

Въ этомъ-же году Харьковскій полкъ пошелъ въ военный походъ и принялъ участіе въ возгорѣвшейся войнѣ съ Турціею.

Глава VII.

Объявленіе войны.—Первый ея годъ.—Осада и паденіе Очакова.—Отличившіеся.—Потери полка.—Приказы Потемкина.—Дѣйствія арміи Потемкина.—Неспособность его какъ полководца.—Преобразованіе полка въ конно-егерскій, соединеніе съ Ахтырскимъ полкомъ.—Штатъ.—Полкъ по прежнему легкоконный.—Новый командиръ Боуръ.—Расписаніе арміи.—Участіе полка въ кампаніи 1790 года.—Подъ крѣпостью Мачиномъ.—Отличія Харьковцевъ.—Заключеніе мира.—Расположеніе на зимнія квартиры.

ттоманская Имперія, «утвердивши торжественнымъ договоромъ предъ лицомъ всего свѣта вѣчный миръ съ Россіею, опять и вѣроломно нарушила всю святость онаго», такъ говорилось въ манифестѣ Императрицы, объявлявшемъ о новой войнѣ». Порта, потребовавъ отъ нашего чрезвычайнаго посланника Булгакова возвращенія Крыма, на что онъ согласиться, конечно, не могъ, заключила его въ Семибашенный замокъ и, до объявленія еще войны, начала ее «неистовымъ образомъ». Турецкій флотъ при Очаковѣ открылъ непріязненныя дѣйствія ¹⁾. Союзникомъ нашимъ въ этой войнѣ явилась Австрія.

При составленіи плана предстоящей кампаніи и при распредѣленіи войскъ, Харьковскій легкоконный полкъ былъ назначенъ въ Екатеринославскую армію, ввѣренную Фельд-маршалу Потемкину. Въ первый годъ (1787) этой продолжительной войны полку не пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, вообще довольно безцвѣтныхъ. На зимнія квартиры онъ расположился въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ въ с. Врублевѣ, Елисаветградскаго уѣзда. Зима этого года была употреблена Потемкинымъ на обученіе войскъ и на укомплектованіе ихъ.

¹⁾ Реляція отъ 14 сев. 1787 г. (блбл. Гл. Штаба).

Въ началѣ мая слѣдующаго года Екатеринославская армія была собрана у г. Ольвіополя и двинута оттуда къ Очакову съ цѣлью овладѣть этою крѣпостью. Полкъ Харьковскій, переправившись у Ольвіополя на правую сторону Буга, тоже пошелъ къ Очакову. Потемкинъ двигался очень медленно и только 28 іюня, пройдя всего 200 верстъ, подошелъ къ крѣпости, гдѣ бездѣйствовалъ по 20 іюля. Войска стояли лагеремъ и болѣе занимались развлеченіемъ и весельемъ, чѣмъ военными дѣйствіями. Очаковъ, осажденный въ іюлѣ, былъ взятъ штурмомъ только 6 декабря. Харьковскій полкъ еще до его паденія былъ отправленъ въ Харьковъ. Одинъ-же его эскадронъ оставался въ арміи, участвовалъ въ осадѣ и былъ при штурмѣ, во время котораго въ числѣ другихъ легкихъ войскъ наблюдалъ непріятельскую сторону по Днѣстру ¹⁾. Подъ стѣнами Очакова армія долго томилась въ бездѣйствіи. Благодаря не рѣшительности Потемкина, она перенесла много трудовъ и лишеній въ необыкновенно суровую—«очаковскую»—зиму, мерзнувъ подъ открытымъ небомъ. Воины рвались въ бой «согрѣть застывшую кровь», но ихъ не пускали. Въ эскадронѣ Харьковскаго полка, остававшимся въ арміи, было всѣхъ чиновъ только 103 человекъ и въ томъ числѣ 8 офицеровъ. Изъ нихъ Ковалевскій отличился въ морскомъ сраженіи, будучи на одномъ изъ гребныхъ судовъ лиманской флотиліи, за что и былъ произведенъ въ чинъ секундъ-маіора ²⁾. Корнеты Осташевскій и Красовскій, отличившіеся при самомъ штурмѣ, были награждены золотыми крестами на георгіевской лентѣ съ надписями: съ одной—«за службу и храбрость», съ другой—«Очаковъ взятъ 6 декабря 1788 года»—съ похвальными листами отъ Потемкина ³⁾. Нижніе чины получили серебряные медали съ надписью на одной «за храбрость»,

¹⁾ Мос. арх. оп. 194, св. 191.

²⁾ Ibidem, оп. 199, св. 31.

³⁾ Ibidem, оп. 58, св. 400 (№№ крестовъ 1846 и 1847).

оказанную при взятіи Очакова 6 декабря 1788 года» и вензелемъ Императрицы на другой сторонѣ.

Полкъ Харьковскій, не потерявшій убитыми въ сраженіи ни одного человѣка и мало вообще принимавшій участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе, понесъ чувствительныя потери: въ полку умерло 194 человѣка. Болѣзни, главнымъ образомъ, свирѣпствовали въ арміи во время стоянія ея подъ крѣпостью, благодаря лишеніямъ и суровой погодѣ. Но появились онѣ, видимо, и раньше, такъ какъ въ полку по іюль мѣсяцъ, т. е. до прибытія еще арміи къ Очакову, умерло 86 человѣкъ. Въ декабрѣ-же смертность въ арміи Потемкина еще болѣе увеличилась; въ одномъ лишь эскадронѣ Харьковскаго полка только по дорогѣ его отъ Очакова въ Харьковъ умерло 39 ¹⁾ человѣкъ, что составляетъ очень большой процентъ; къ тому-же были, конечно, жертвы и въ декабрѣ до его ухода изъ-подъ крѣпости. Считая съ безслѣдно бѣжавшими (22 человѣка) изъ полка въ теченіи года убыло 216 человѣкъ, т. е., болѣе чѣмъ эскадронъ ²⁾. Чувствительную потерю понесъ полкъ и въ лошадяхъ—въ годъ (кромѣ ноября и декабря, за которые, къ сожалѣнію, мѣсячныхъ рапортовъ нѣтъ) было пристрѣлено безнадежно больныхъ 37 лошадей, пало 109, конечно, отъ недостатка корма и дурныхъ условій стоянія подъ Очаковымъ. Екатеринославская армія послѣ паденія крѣпости расположилась на зимнія квартиры.

Зимними мѣсяцами Потемкинъ воспользовался для введенія своихъ преобразованій въ кавалеріи и пополненія убыли въ войскахъ. Въ приказѣ своемъ (27 января), отданномъ по полкамъ Екатеринославской и Украинской конницы, онъ предписывалъ командирамъ ихъ употребить всѣ старанія, чтобы довести полки соотвѣтственно званію легкоконныхъ. Онъ приказалъ избѣгать излишней нѣги лошадей, поменьше

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Ibidem.

заниматься чисткою ихъ, что особенно практиковалось тогда въ полкахъ тяжелой конницы, «тяжелой самой по себѣ, а не ударомъ непріятелю». Какъ доказательство дурныхъ послѣдствій изнѣженности лошадей, Фельдмаршалъ приводилъ тѣ огромныя потери, что понесли нѣкоторые полки въ минувшій годъ кампаніи, бывшіе при томъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ другими, въ коихъ однако потери не были такъ чувствительны. Потемкинъ запретилъ ремонтировать полки заводскими лошадьми, справедливо считая ихъ менѣе способными къ перенесенію трудовъ, въ силу нѣги и исключительнаго конюшеннаго воспитанія. Онъ не позволялъ безъ нужды перемѣнять въ эскадронахъ ранжиръ, такъ какъ вслѣдствіе того солдатъ не могъ привыкнуть и полюбить своего коня. Обратилъ Потемкинъ вниманіе и строго требовалъ, чтобы начальники обращались съ подчиненными лучше, не прибѣгали-бы къ практиковавшимся тогда въ широкихъ размѣрахъ побоямъ и заботились бы о нихъ болѣе, нежели о лошадяхъ. За неисполненіе его приказаній фельдмаршалъ грозилъ командирамъ серьезною отвѣтственностью.

Харьковскій полкъ, при распредѣленіи войскъ къ кампаніи предстоящаго года, былъ назначенъ въ 1-ю дивизію, состоявшую подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго, и въ бригаду князя Ксаверія Любомирскаго (Петербургскій драгунскій, Александрійскій и Харьковскій легкоконные). Но начинать военныя дѣйствія Потемкинъ не спѣшилъ, войска лишь только въ маѣ получили приказаніе собираться къ Ольвіополю, лишь только 11 іюля арміи приказано было переправляться чрезъ бѣлыя воды Буга у Ольвіополя и слѣдовать къ Бендерамъ, куда Потемкинъ со своею дивизіею и прибылъ 18 августа! Подъ стѣнамъ этой нѣкогда генуэзской крѣпости, гдѣ послѣ Полтавской битвы долго скрывался Карлъ XII, армія Потемкина не встрѣтила серьезнаго сопротивленія. Послѣ небольшихъ дѣлъ, весь ея гар-

низонъ сдался на капитуляцію (3 ноября). На томъ и закончился 2-ой годъ кампаніи. Война была безцвѣтна только тамъ, гдѣ дѣйствовалъ Потемкинъ, неспособность котораго все болѣе выяснилась, и была славна побѣдами великаго Суворова на другомъ театрѣ при Рымникѣ и Факшанахъ.

Слѣдующій 1790 годъ въ исторіи Харьковскаго полка знаменателенъ тѣмъ, что полкъ подвергся новому преобразованію -- пересталъ быть легконнымъ и былъ переформированъ въ конно-егерскій, сохранивъ свое коренное названіе «Харьковскій». Конно-егеря были видоизмѣненіемъ драгунъ и существовали у насъ и во Франціи. Еще въ 1788 году Потемкинъ учредилъ при Екатеринославскомъ кирасирскомъ и при всѣхъ легконныхъ полкахъ команды конныхъ егерей въ числѣ 65 человекъ въ каждомъ. Форма обмундированія этихъ егерскихъ командъ была одного покроя съ формою легконныхъ полковъ, но все темнозеленаго цвѣта съ бѣлыми лужеными пуговицами. Просуществовали эти егерскія команды недолго и уже въ слѣдующемъ году были отчислены отъ полковъ (изъ нихъ и изъ Елисаветградскаго легконнаго полка былъ сформированъ одинъ конно-егерскій полкъ того-же наименованія).

Въ составъ Харьковскаго конно-егерскаго полка, по повелѣнію Потемкина, вошелъ цѣликомъ и весь Ахтырскій легконный, составивъ вмѣстѣ съ нимъ одинъ въ числѣ 10 эскадроновъ. Вначалѣ особенно тѣснаго соединенія полковъ не было: у каждаго былъ свой штабъ, свой командиръ, причемъ командиръ Ахтырскаго (Полковникъ Сабуровъ) былъ, впрочемъ, отчасти, *de jure*, подчиненъ командиру Харьковского, который по штату именовался шефомъ и долженъ былъ быть въ чинѣ генералъ-маіора. Но во все время существованія Харьковскаго полка конно-егерскимъ таковой не былъ назначенъ и въ рапортахъ показывался требовавшимся въ добавку. Отчетности свои полки составляли отдѣльно, но

рапорты Ахтырскаго, хотя и озаглавленные этимъ именемъ, подписывались штабъ-офицерами Харьковскаго и представлялись по начальству совмѣстно этимъ послѣднимъ. Болѣе тѣсное соединеніе двухъ полковъ въ одинъ произошло въ августѣ 1791 года. Съ этого времени и отчетность, и все вообще идетъ исключительно отъ Харьковскаго; Ахтырскій же исчезаетъ совершенно, какъ самостоятельная единица, и на время прекращаетъ свое существованіе. Объединеніемъ прежнихъ двухъ легконныхъ полковъ является Харьковскій конно-егерскій въ числѣ 1838 человекъ всѣхъ чиновъ и 1771 лошадей ¹⁾. Полкъ въ своемъ 10-ти эскадронномъ составѣ являлъ тогда собою грозную силу 1670 вликовъ. По окончаніи формированія отъ прежняго Харьковскаго полка осталось сверхъ комплекта офицеровъ 14, лекарь, 2 кадета и 5 ефрейтъ-капраловъ, всего 22 человека, отъ Ахтырскаго—офицеровъ 8, строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ 170, всего 178 человекъ ²⁾.

Впрочемъ, Харьковскій полкъ, какъ конно-егерскій, просуществовалъ не долго, всего, собственно одинъ годъ, такъ какъ уже въ самомъ началѣ 1792 года (31 января) послѣдовалъ указъ Военной Коллегіи отдѣлить снова эскадроны Ахтырскаго полка и образовать по прежнему два легконныхъ—Ахтырскій и Харьковскій съ ихъ прежними наименованіями, въ прежнихъ штатахъ, съ прежними командирами, составомъ офицеровъ и формою одежды.

Въ 1790 году Бригадиръ Неплюевъ, произведенный въ чинъ генералъ-маіора съ увольненіемъ въ отставку, сдалъ полкъ вновь назначенному командиру Карлу Федоровичу Боуру, бывшему до того времени командиромъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка. Начавъ службу въ гвардіи, Бауръ по указу Императрицы (1787 г.) былъ переведенъ

¹⁾ Штатъ конно-егерскаго полка (по мѣс. рап.): шефъ, полковникъ, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 54, кадетъ 10, унтеръ-офицерскихъ чиновъ 90, рядовыхъ строевыхъ 1500, нестроевыхъ 178; строевыхъ лошадей 1620, подъемныхъ 151, всего 1771.

²⁾ Мѣс. рап. обоихъ полковъ.

въ армію подполковникомъ, а въ слѣдующемъ, по такому-же указу, былъ произведенъ въ полковника на 22-мъ году жизни. Онъ, повидимому, былъ большой любимецъ Потемкина, такъ какъ постоянно состоялъ при немъ; даже позднѣе, командуя полкомъ Харьковскимъ, часто былъ показыванъ въ рапортахъ въ отлучкахъ и состояніи при главнокомандующемъ.

При составленіи плана кампаніи на 1790 годъ Харьковскій конно-егерскій полкъ въ полномъ своемъ составѣ былъ назначенъ въ *corps d'armée* (подъ этимъ именемъ разумѣлась тогда часть арміи, назначенная для приведенія въ дѣйствіе извѣстнаго плана), въ число кавалерійскихъ полковъ кн. Голицына и въ бригаду Г. М. Дунина (Елисаветградскій, Харьковскій и Переяславскій—конно-егерскіе)¹⁾. Въ войну этого года полкъ участвовалъ при взятіи крѣпости Килии (на лѣвомъ берегу Килійскаго Дуная, въ 35-ти верстахъ отъ устья), къ которой изъ с. Татаръ-Бунара подступилъ 4 октября. Послѣ 12-ти дневной осады, Килия 18 октября, сдалась. Кавалерія не принимала въ осаду ровно ни какого участія и не несла потерь. Но Боуръ, неправильно именовавшій себя шефомъ полка, ибо утвержденъ имъ не былъ, не упустилъ случая обратить на себя вниманіе. По аттестаціи Г. Ан. Гудовича, когда Харьковскій полкъ въ числѣ прочей кавалеріи бездѣйствовалъ, Боуръ, по собственному желанію и обыкновенію находится всегда поближе къ начальству, дѣятельно помогая Гудовичу разставлять посты въ траншеяхъ и, въ санѣ командира 10-ти эскадроннаго полка, исполнялъ ординарческую службу:—онъ развозилъ его приказанія въ «самыя опасныя мѣста»²⁾. Старанія Боура увѣнчались успѣхомъ—за отличіе онъ былъ произведенъ въ чинъ бригадира. По сдачѣ Килии, нѣсколько кавалерійскихъ

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 893.

²⁾ Моск. арх. оп. 199, св. 36.

полковъ, въ числѣ коихъ и Харьковскій, по распоряженію Гудовича были отправлены къ Бендерамъ подъ командою Г. П. Волконскаго. Полки эти, вслѣдствіе дурныхъ по дорогѣ водопоевъ, пошли по частямъ. Больныхъ и умершихъ людей въ полкахъ было не много, но состояніе лошадей только посредственно, кромѣ Харьковскаго, въ которомъ лошади были въ отличномъ видѣ¹⁾. Но и имъ грозила большая опасность, такъ какъ условія были самыя неблагопріятныя. Полкъ даже рапортомъ доносилъ начальству, что для довольствія казенныхъ лошадей у него нѣтъ никакихъ суммъ, кои, хотя бы временно, можно было бы затратить на покупку фуража, отпуска котораго натурою небыло, а равно и подножнаго корма по причинѣ глубокой осени.

Кампанія этого года, славная знаменитымъ штурмомъ Измаила, для Харьковскаго полка свелась только къ участію его, вѣрнѣе, къ присутствію при сдачѣ Килии, чѣмъ тотъ годъ и закончился. На зимнія квартиры полкъ былъ расположенъ въ Молдавіи по правую сторону р. Прута въ м. Дорогомъ.

Покореніемъ Измаила не окончилась война. Порта все продолжала упорствовать, лелея надежду возвратить Крымъ. При раздѣленіи арміи, въ началѣ 1791 года, полкъ былъ назначенъ въ корпусъ Г. П. кн. Волконскаго.

Г. Ан. кн. Репнинъ (командовалъ арміею съ февраля за отсутствіемъ Потемкина), узнавъ, что значительныя силы турокъ (30 тысячъ) были собраны въ крѣпости Мачинъ и что самъ великій визирь, Юсуфъ-паша, пришелъ съ арміею въ Гирсово, направивъ нѣкоторыя части къ Мачину, рѣшился «разрушить сіе скопище». Для этой цѣли онъ приказалъ всѣмъ войскамъ собираться къ Галацу, оставивъ небольшую только стражу на Серетѣ.

Крѣпость Мачинъ лежитъ въ Добруджѣ на правой сторонѣ Дуная, очень широкаго въ томъ мѣстѣ. Отрядъ кн.

¹⁾ Ibidem, № 123.

Голицына былъ переправленъ на судахъ на ту сторону рѣки; подъ его прикрытіемъ извѣстный своею храбростью Де-Рибасъ, не смотря на сильный вѣтеръ, устроилъ мостъ. Переправа по немъ была окончена 26 іюня, и войска собрались на полуостровъ Бунцефанъ. На слѣдующій день, въ 6 часовъ вечера, русскіе тронулись въ походъ съ такимъ расчетомъ, чтобы съ разсвѣтомъ неожиданно атаковать непріятеля у Мачина, до котораго предстояло пройти 30 верстъ. Для овладѣнія имъ Репнинъ составилъ планъ: показывая видъ, что нападеніе на непріятеля, занявшаго позицію впереди крѣпости, ведется съ фронта, обойти правый флангъ (для этого назначена была колонна Кутузова) и дѣйствовать на него съ двухъ сторонъ. Сообразно съ этимъ, войска раздѣлились на 3 части, изъ коихъ—Волконскаго была средняя и должна была служить связью между другими двумя. Русскіе шли всю ночь и только немного отдохнули на первой рѣчкѣ Чичулѣ. Впереди двигался Голенищевъ-Кутузовъ, за нимъ слѣдовалъ Волконскій и Голицынъ. Вскорости непріятель открылъ наше присутствіе, что и заставило ускорить движеніе всѣхъ войскъ. Кутузовъ въ 6 часовъ утра, прямо съ марша, открылъ канонаду. При движеніи въ обходъ крутыхъ горъ, занятыхъ турками, передовыя наши войска были встрѣчены многочисленнымъ непріятелемъ, окружившемъ и старавшимся отрѣзать ихъ отъ прочихъ. Турки выслали противъ Кутузова массы кавалеріи, которыя и понеслись въ атаку. Хотя и осыпаемыя нашимъ картечнымъ огнемъ, части турецкой конницы все-таки подскакали къ самымъ пѣхотнымъ каре. Въ это время подошла къ мѣсту кавалерія кн. Волконскаго, Харьковскій конно-егерскій и Сѣверскій карабинерный полки, бывшіе въ тотъ день подъ командою Де-Рибаса, нѣсколько разъ въ разныя стороны бросались въ атаки на турокъ съ полнымъ успѣхомъ и недопустили отрѣзать Кутузова отъ прочихъ войскъ. Морякъ-кавалеристъ Де-Рибасъ, такъ много способствовавшій по-

стройкѣ моста и переправѣ, не хотѣлъ оставаться празднымъ на своихъ судахъ, не могшихъ принять участіе въ битвѣ. Онъ просилъ позволенія командовать во время сраженія 2-мя кавалерійскими полками и своею отчаянною храбростью, съ которою соревновались егеря и карабинеры, спасъ Кутузова отъ опасности. Харьковцы, бросившись стремительно въ атаку, опрокинули сначала засѣвшую въ лощинѣ непріятельскую пѣхоту, выгнали ее оттуда, а послѣ атаквали ее-же на горѣ три раза, перерубивъ не малое число враговъ. Харьковскихъ егерей въ лихія атаки водилъ, увлекая своимъ приѣмомъ, Майоръ Булацель. Боуръ и на этотъ разъ былъ около начальства—состоялъ при Потемкинѣ ¹⁾. Въ сраженіи при Мачинѣ Харьковскій полкъ находился лишь въ своемъ коренномъ составѣ—эскадроны прежняго Ажтырскаго полка были оставлены въ прикрытіе вагенбурга и хлѣбнековъ въ с. Сербъ на Серетѣ. Тамъ-же оставлены были Харьковскими эскадронами 143 человекъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ, и 170 лошадей, по этому полкъ во время самаго сраженія долженъ былъ считать въ рядахъ своихъ около 800—850 человекъ всѣхъ чиновъ.

Послѣ атакъ конно-егерей и карабинеровъ съ Де-Рибасомъ во главѣ, непріятель долженъ былъ отступить, а подошедшія шедшія сзади войска рѣшили дѣла—побѣда была одержана полная. Великій визирь, бывший наканунѣ въ Мачинѣ, по показанію плѣнныхъ, во время самаго сраженія стоялъ въ нѣсколькихъ лишь верстахъ и видѣлъ бѣгство своихъ отборныхъ войскъ, изъ коихъ 4 тысячи легло на полѣ сраженія. Весь лагерь и 29 пушекъ были трофеямъ дня. Въ Харьковскомъ полку во время его смѣлыхъ атакъ былъ убитъ 1 рядовой, ранены Ротмистръ Брикманъ, Поручикъ Петровъ и 9 рядовыхъ, коихъ, какъ раненыхъ тяжело, пришлось отправить въ вагенбургъ; многіе-же изъ легко раненыхъ остались во фронтѣ. Лошадей было убито 21, ра-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

нено 31, изъ нихъ пало 23 ¹⁾). Все потери свелись къ 141 убитымъ и 300 раненымъ. Войска наши, находившіяся въ движеніи 12 часовъ, неспавшія ночь, безъ отдыха, прямо съ марша, вступили въ бой, продолжавшійся болѣе 6-ти часовъ при страшной жарѣ. Только обычные русскому солдату неограниченное усердіе и стойкость могли побѣдить усталость, все трудности и сломить отчаянное сопротивленіе непріятеля, далеко превосходившаго насъ своею численностью.

По засвидѣтельствованію кн. Волконскаго, во время атакъ особенно отличилъ себя храбростью Примьеръ-Маіоръ Булацель и Поручикъ Подляскій, бывшій у него ординарцемъ. Булацель-же засвидѣтельствовалъ храбрость 17-ти офицеровъ Харьковскаго полка ²⁾). Выдѣлился изъ другихъ своимъ мужествомъ Капралъ Лысенко, за что и былъ произведенъ въ вахмистра.

По окончаніи битвы, русскія войска оставались на мѣстѣ сраженія болѣе 2-хъ сутокъ, служили благодарственный молебень съ пушечной пальбой. 2 іюля, перейдя Дунай и разобравъ за собою мосты, разошлись онѣ по прежнимъ своимъ лагерямъ. Харьковскій полкъ съ присоединившимися къ нему остальными эскадронами расположился при с. Сербанештахъ.

Морская побѣда, одержанная Контръ-Адмираломъ Ушаковымъ, довершила тотъ рядъ поражений, что несла турція, и, сломивъ, наконецъ, ея упорство, побудила къ заключенію мира, подписаннаго въ Яссахъ 28 декабря 1791 года. Россія, выйдя побѣдительницею, добилась своей цѣли. Переговоры по этому поводу открылись тотъ часъ-же послѣ Мачинской битвы присылкою на другой день къ Репнину парламентеровъ, почему сраженіе подъ Мачиномъ и получаетъ особенное значеніе.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Мос. арх. оп. 194, № 123 и «Собраніе реляцій войны 1787—1791 г.

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Харьковскій полкъ перемѣнялъ часто мѣста, переходя изъ лагеря въ лагерь, пока не былъ расположенъ на зимнія квартиры въ Молдавіи въ м. Дорогомъ, гдѣ уже былъ раньше. Къ началу слѣдующаго года полкъ состоялъ въ арміи Г. Ан. Коховскаго, въ части кн. Волконскаго и въ бригадѣ Бригадира гр. Дюжера. Въ полку было тогда на лицо 1768 человекъ всехъ чиновъ здоровыхъ, больныхъ 51, въ отлучкахъ 15, да, кромѣ того, сверхкомплектныхъ 183 человекъ всехъ чиновъ, лошадей 1771. Такъ что полкъ былъ болѣе, чѣмъ въ штатномъ числѣ ¹⁾.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

Глава VIII.

Новая война.—Событія въ Польшѣ.—Манифестъ Императрицы—или обѣихъ сторонъ.—Образъ дѣйствій.—Стольковенія.—Отступленіе непріятеля за Вугъ.—Позиція у д. Дубенкѣ.—Реконгноцировка ея.—Сраженіе.—Атака Елисаветградскихъ конныхъ егерей.—Атака эскадроновъ Харьковскаго полка.—Преслѣдованіе поляковъ.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій.—Порядокъ довольствія.—Второй раздѣлъ Польши.

Послѣ заключенія мира, войска Украинской арміи Коховскаго помышляли уже объ обратномъ походѣ въ Россію, куда такъ всё пламенно рвались послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ родины. Со дня заключенія мира армія стояла въ Бессарабіи и ждала весны, а вмѣстѣ и повелѣнія о возвращеніи въ предѣлы Имперіи. 27-го марта пришло, наконецъ, это съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое повелѣніе. Въ немъ заключалось предписаніе Коховскому двинуть свою закаленную въ бояхъ армію не домой, а на новую войну въ предѣлы Польши. Тамъ происходили слѣдующія событія, вызвавшія со стороны Россіи необходимость объявленія войны безпокойной своей сосѣдкѣ. 3-го мая 1791 года была обнародована конституція, устранившая на будущее время три главныхъ зла Рѣчи Посполитой: избраніе короля, надѣлавшее такъ много несчастья, ненормальное и единственное въ своемъ родѣ *liberum veto* и конфедерацию—этотъ бунтъ противъ правительства, такъ сказать, на законномъ основаніи. Событіе 3-го мая уничтожало собою конституцію 1775 года, гарантированную русскою Императрицею. Но не вся польская нація, впрочемъ, участвовала въ провозглашеніи новой конституціи. Оппозиціонная партія, во главѣ которой стали Феликсъ Потоцкій, Северинъ

Ржевускій и др., обратилась съ просьбою къ русской Императрицѣ «сокрушить деспотизмъ революціонеровъ и возстановить старую польскую свободу»¹⁾.

Образовалась конфедерація, получившая названіе «Тарговицкой», по городу, гдѣ была составлена. Эта конфедерація, которую Екатерина признала истиннымъ правительствомъ королевства, слѣдовала за русскою арміею, вступившею въ предѣлы Польши. Въ объявленномъ по этому поводу манифестѣ исчислялись тѣ причины, которыя побудили русское правительство объявить войну. Въ числѣ ихъ выставлялись притѣсненія русскихъ подданныхъ, оскорбительное требованіе поляковъ о немедленномъ выводѣ русскихъ войскъ и уничтоженіи магазиновъ и др. Въ концѣ манифеста говорилось, что Императрица «не можетъ отказать убѣдительнымъ просьбамъ поляковъ, отличныхъ родомъ, саномъ и политическими добродѣтелями, возстановить свободу и независимость ихъ отечества»²⁾.

По искусно составленному плану кампаніи Генераль-Квартирмейстромъ Писторомъ, армія Коховскаго (65 тыс.) должна была вступить съ юга въ Польшу, другая—Бречетникова (32 тыс.) съ сѣвера и востока въ Литву. Этимъ силамъ поляки могли противопоставить только около 30 тысячъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ молодой, 28-ми лѣтній Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, не заявившій себя до этого время какими либо военными дарованіями. У него были, впрочемъ, даровитые помощники—Тадеушъ Косцюшко и Михаилъ Вельгорскій.

Харьковскій полкъ находился въ числѣ войскъ Украинской арміи, въ корпусѣ Г.-Л. Дунина (13 тыс. пѣхоты и 4,400 кавалеріи), сосредоточенномъ у Сорокъ на Днѣстрѣ, который составлялъ тогда границу Польши³⁾.

¹⁾ Смйтъ. Суворовъ и паденіе Польши. Воен. Сб. 1863 г., ст. 9.

²⁾ Ibidem, ст. 11.

Русскія войска, раздѣленные на четыре отряда, должны были двигаться такъ, чтобы въ то самое время, когда одинъ отрядъ наступалъ на противника, а другой обходилъ-бы его, остальные должны были угрожать его тылу и сообщеніямъ. Этотъ планъ былъ тѣмъ болѣе удобоисполнимъ, что каждый изъ четырехъ русскихъ отрядовъ почти равнялся своею численностью всей арміи непріятеля, что дѣлало ихъ вполне самостоятельными. Полякамъ, такимъ образомъ, приходилось постоянно отступать предъ русскими тѣмъ болѣе, что Понатовскій раздѣлилъ свои силы также на четыре отряда, чего требовала тактика того времени. Война поэтому сводилась къ искусственнымъ маневрированіямъ и вытѣсненію непріятеля изъ занятыхъ имъ позицій.

Отрядъ Дунина, по переправѣ у Сорокъ чрезъ Днѣстръ, форсированнымъ маршемъ устремился противъ центра польской арміи, бывшаго у г. Немирова. Непріятель былъ отъ всюду вытѣсняемъ; изъ Подолія онъ перешелъ на Волюнь. Первое дѣло произошло при д. Деревичахъ. Поляки могли бы понести серьезное пораженіе при точномъ исполненіи плана, но, благодаря оплошности Г. Леванидова, они успѣли отступить къ м. Полонному, гдѣ были у нихъ склады и хорошій опорный пунктъ.

Между тѣмъ это постоянное отступление предъ нашими отрядами, это маневрированіе, на которое всегда была такъ неспособна польская армія, вызвали въ ней большое неудовольствіе и упадокъ дисциплины, что обнаружилось при занятіи поляками Полоннаго и выступленіи оттуда. Въ сраженіи подъ Зеленцами авангардъ Г. Маркова тягался съ войсками Любомирскаго подъ начальствомъ Трохина и Зайончека, и «честь дня принадлежала Маркову и его войскамъ»¹⁾.

По нѣкоторымъ источникамъ, Харьковскій полкъ принималъ участіе въ этомъ сраженіи; по другому-же—нѣтъ²⁾,

¹⁾ Ibidem, ст. 24.

²⁾ Ibidem.

гдѣ говорится, что кавалерія Маркова состояла изъ 10 эскадроновъ Елисаветградскихъ конныхъ егерей и 12 эскадроновъ Ольвіопольскихъ и Воронежскихъ гусаръ. Мѣсячные рапорты полка за 1792 годъ утеряны, ихъ въ архивахъ нѣтъ, а изъ нихъ только можно было-бы видѣть, въ какихъ «частяхъ» состоялъ полкъ, мѣста стоянокъ, а также убыль людей и лошадей. Отступая постоянно предъ нашею арміею, поляки отошли, наконецъ, за Бугъ, такъ что до этой рѣки было уже все во власти русскихъ.

Понатовскій получилъ повелѣніе изъ Варшавы задержать движеніе русскихъ на этой рѣкѣ и не допустить ихъ переправиться. Задача была не легкая, ибо Бугъ ни глубиною, ни шириною не могъ служить серьезнымъ препятствіемъ для сильной арміи Коховскаго. И безъ того малочисленная польская армія была для защиты Буга раздроблена на небольшіе отряды и растянута вдоль линіи. Отъ Воли до Дубенки стоялъ Косцюшко; далѣе до Сѣржова—Понатовскій; Отъ Сѣржова до Влодавы—Вельгорскій, а далѣе охраняли литовскія войска Забѣллы. На Бугъ поляки сожгли всѣ мосты, суда и испортили броды, набросавъ боронъ съ желѣзными зубьями.

Задержанный нѣкоторое время у Владиміра, Коховскій подошелъ 6 іюня послѣ полудня къ Бугу у д. Клодневой, лежащей у самой австрійской границы. Здѣсь рѣшено было переправляться. Егеря нашли у непріятельскаго берега два полусожженныхъ паромъ, переплыли рѣку и привели ихъ къ нашему берегу. На нихъ были переправлены на лѣвый берегъ четыре баталіона егерей и пушки. Подъ прикрытіемъ ихъ и переплывшихъ казаковъ, авангардъ нашихъ войскъ переправился по наведенному понтонному мосту и расположился лагеремъ въ 9 часовъ вечера. Предъ русскими стоялъ въ 3½ верстахъ отъ Дубенки на очень удобной и труднодоступной позиціи Косцюшко, единственный даровитый польскій генераль, въ войскѣ котораго были всегда

порядокъ и строгая дисциплина. Правый флангъ позиціи примыкалъ къ д. Волѣ, лежащей въ лѣсу на самой австрійской границѣ, почему его и нельзя было обойти, а лѣвый — къ д. Уханки, лежащей на утесистомъ берегу Буга. Предъ фронтомъ позиціи было болото, проходимое только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поросшее при томъ кустарникомъ. Кромѣ того, недоступность позиціи съ фронта увеличивалась еще построенными батареями ¹⁾; тылъ примыкалъ къ большому лѣсу, который могъ благопріятствовать отступленію. Равнымъ образомъ, поляки укрѣпили съ большимъ искусствомъ и пункты, препятствовавшіе переправѣ чрезъ Бугъ при Опалинѣ и Дороустѣ ²⁾.

7-го іюля Коховскій рекогносцировалъ съ легкими войсками и Екатеринославскимъ егерскимъ корпусомъ позицію поляковъ. Онъ замѣтилъ, что Косцюшко расположилъ на ней свои силы въ двѣ линіи; по флангамъ стала пѣхота и конные стрѣлки. Возвратясь въ лагерь, въ Дубенку, главнокомандующій составилъ планъ дѣйствій, рѣшась атаковать неприступную позицію, исключительно полагаясь только на храбрость испытанныхъ войновъ, закаленныхъ въ бояхъ. Онъ предписалъ Г. П. Дунину, переправившемуся тогда уже чрезъ Бугъ, слѣпить со своими войсками къ нему. Самъ же выступилъ въ 3 часа по полудни изъ лагеря съ передовымъ корпусомъ, тремя колоннами. Во главѣ правой шелъ Харьковскій полкъ (Ахтырскій, Сѣверскій карабинерный и Воронежскій гусарскій). Подустивъ русскихъ на пушечный выстрѣлъ, поляки открыли канонаду. Коховскій приказалъ отрядить 2 баталіона егерей влѣво къ д. Волѣ, чтобы выбить засѣвшихъ въ лѣсу предъ ихъ правымъ флангомъ поляковъ. 2 баталіона онъ послалъ на правый нашъ флангъ къ д. Уханкѣ съ тремя казачьими полками. Г. М. Зубову съ бригадою донскихъ казаковъ приказалъ, принимая влѣво,

¹⁾ Прибавленіе къ № 66 СПВ. Вѣдомостей 1792 г.

²⁾ Ibidem.

подкрѣпить пѣхоту, направившуюся къ Волѣ. Изъ 20 орудій приказано было устроить батарею, въ прикрытіе которой былъ поставленъ Кіевскій гренадерскій полкъ. Вся кавалерія выстроилась за этою батареею въ линіи.

Въ это время прибылъ съ войсками Дунинъ. Отъ него были отдѣлены 12 орудій, которыя составили особую батарею на правомъ флангѣ. Г. М. Милошевичъ назначался командовать всею пѣхотою лѣваго фланга. Дунинъ получилъ приказаніе съ 2 пѣхотными и 2 кавалерійскими полками и 24 орудіями слѣдовать вправо къ д. Уханкѣ и атаковать лѣвый флангъ противника. Войска эти, подвинувшись вправо, открыли канонаду по всемъ непріятельскимъ батареямъ, и нѣкоторыя изъ нихъ отъ искуснаго огня нашей артиллеріи начали вскорѣ умолкать. Желая воспользоваться этимъ успѣхомъ, Милошевичъ отдѣлилъ 5 ротъ гренадеръ и приказалъ имъ выбить поляковъ, засѣвшихъ въ лѣсу съ правой стороны, и овладѣть противолежащими окопами. Гренадеры, пройдя съ трудомъ густой кустарникъ и болото, выбили непріятеля изъ трехъ укрѣпленій и преслѣдовали его далѣе, до самаго лѣса.

Между тѣмъ Коховскій замѣтилъ, что Дунинъ началъ одерживать верхъ надъ лѣвымъ флангомъ непріятеля и что поляки уже отступаютъ, взятые съ обоихъ фланговъ и связать поспѣшно свою артиллерію съ укрѣпленій. Онъ приказалъ Палменбаху, командиру Елисаветградскаго конно-егерскаго полка, атаковать батареи, прикрывавшія правый флангъ поляковъ и ихъ отступленіе. Прочіе кавалерійскіе полки должны были слѣдовать сзади и, по мѣрѣ надобности, поддерживать Елисаветградцевъ. Извѣстный въ арміи своею храбростью Палменбахъ, презирая всѣ опасности, понесся въ атаку во главѣ своего полка, ободряя своимъ примѣромъ подчиненныхъ. Конные егеря лихо, съ налету, взяли двѣ батареи, наведя свою стремительностью ужасъ на защитниковъ, и почти всѣхъ ихъ изрубили саблями. При атакѣ

второй батареи Палменбахъ былъ раненъ, но, не обращая на то вниманія, бросился на третью и здѣсь, сраженный пулею, палъ мертвымъ. Елисаветградцы, разсыпавшись, погнались за неприятелемъ съ прежнимъ пыломъ, но, потерявъ своего начальника, который указывалъ имъ цѣль и направленіе, вели преслѣдованіе не такъ уже опредѣленно. Команду послѣ Палменбаха принялъ Секундъ-Маіоръ Сандеръ. Присоединенные къ коннымъ егерямъ съ кавалерійскими отрядами Примьеръ-Маіоръ Иванъ и адъютантъ главнокомандующаго Петръ Коховскіе успѣли овладѣть тѣмъ временемъ четвертою батареею ¹⁾. Въ своемъ дальнѣйшемъ слѣдованіи Елисаветградцы были встрѣчены атакою польской кавалеріи подъ начальствомъ храбраго Веловежскаго и отброшены съ большимъ урономъ. Поляки, сидѣвшіе на неутомленныхъ лошадяхъ, стремительно бросились преслѣдовать егерей, лошади которыхъ, проскакавши большое пространство, начали уже ослабѣвать. На выручку Елисаветградцамъ поспѣшилъ Бригадиръ Боуръ съ 3-мя эскадронами своего Харьковскаго полка и принялъ на себя атаку польской кавалеріи. Конно-егеря, заслоненные отъ преслѣдованія поляковъ Харьковцами, успѣли устроиться и снова бросились въ атаку. Не смотря на отчаянное сопротивленіе неприятеля, въ происшедшей схваткѣ Харьковцы совмѣстно съ конно-егерями одержали полную побѣду и въ свою очередь бросились преслѣдовать уходящую неприятельскую кавалерію.

Пѣхота наша тѣмъ временемъ съ фланговъ и фронта, продолжая атаку, заняла, наконецъ, всѣ укрѣпленія и лагерь неприятеля. Разбитые всюду поляки искали спасенія въ лѣсу, находившемся непосредственно у нихъ въ тылу. Они были преслѣдуемы нашею кавалерією и казаками по дорогамъ къ г. Красноставу и Хелму. Харьковскій полкъ, въ составѣ 5 эскадроновъ, гнался за поляками на протяженіи 12 верстъ до д. Ростокіи. Неприятель, жарко преслѣ-

¹⁾ Ibidem.

дуемый и поражаемый нашею кавалерією, разсыпался по лѣсу и, пользуясь темнотою ночи, спасался бѣгствомъ въ предѣлы Австріи. Сраженіе, начатое въ 5 часовъ по полудни, тянулось до самой ночи; по его окончаніи русскіе расположились на мѣстѣ боя при д. Уханки.

Неприятель потерялъ: убитыми до одной тысячи человекъ, взятыми въ плѣнъ 91 человекъ, разбѣжавшимися до двухъ тысячъ. Съ нашей стороны было убито 4 офицера и нижнихъ чиновъ (съ безъ вѣсти пропавшими) 85; стросвыхъ лошадей 467; ранено 9 офицеровъ, 190 нижнихъ чиновъ и 174 лошади. Сколько изъ этого числа убитыхъ и раненыхъ пришлось на долю Харьковскаго полка, за утратою мѣсячныхъ рапортовъ, неизвѣстно ¹⁾.

Сраженіемъ при Дубенкѣ закончилась война 1792 года.

Простоявъ два дня, Коховскій началъ было преслѣдовать далѣе неприятельскую армію. 14 іюля онъ занялъ Люблинъ, гдѣ узналъ, что король со всею армією присоединился къ Тарговицкой конфедерации, почему дальнѣйшія военныя дѣйствія не имѣли уже мѣста.

По прекращеніи войны, былъ составленъ передовой корпусъ, который 27 іюля выступилъ отъ Пулавъ и направился къ Варшавѣ ²⁾ для расположенія тамъ на квартирахъ и чтобы быть на готовѣ въ виду могущихъ снова осложниться обстоятельствъ. Въ этотъ передовой корпусъ былъ назначенъ и Харьковскій полкъ. При расквартированіи въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, полкъ былъ расположенъ въ Брестѣ—Куявскомъ (Варшавской губ., Вацлавскаго уѣзда), главномъ городѣ воеводства того-же имени, состоя въ командѣ Г. П. Мелина и въ бригадѣ Г.-М. Маркова.

По заключенному условію, генеральная конфедерация была обязана довольствовать русскія войска провіантомъ и фуражемъ. Мѣстныя конфедерации указывали только вой-

¹⁾ Приб. къ № 66 Спв. Вѣд. 1792 г., откуда почерпнуто полное описаніе этого сраженія.

²⁾ Моск. арх. оп. 199, св. 35.

скамъ тѣ районы, гдѣ онѣ должны были собирать сами себѣ провіантъ и фуражъ, выдавая квитанціи, по которымъ жителямъ предоставлялось получать деньги въ Варшавѣ. Коховскій былъ недоволенъ Потоцкимъ, маршаломъ конфедерации, за то, что онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы обезпечить продовольствіе войскъ. Главнокомандующій, расположивъ полки по зимнимъ квартирамъ, назначилъ на каждый по нѣсколько тысячъ крестьянскихъ «дымовъ» и опредѣлилъ, сколько съ каждаго двора по іюнь 1793 года слѣдовало требовать провіанта и фуража ¹⁾. Но это вызвало новыя неудовольствія, ибо Коховскій въ число «дымовъ» включилъ и дома грунтовые (съ землею) и бобыльскіе (безъ земли), что дѣлало, конечно, поборы неравномѣрными и обременительными.

Харьковскому полку было назначено продовольствоваться въ Мазовецкомъ воеводствѣ и въ землѣ варшавской, кромѣ г. Варшавы. Въ отведенномъ районѣ считалось 69.906 дымовъ. При общей раскладкѣ требуемаго количества провіанта и фуража на каждый дымъ приходилось муки 2 четверика, крупъ 1¹/₂ гарнца; овса — 1 четверикъ и 4¹³/₃₀ гарнца; сѣна—три пуда. На 8 мѣсяцевъ полку слѣдовало муки—1994 чет., крупы—186 чет.—7 четвер., 4 гарнца, овса 10.392 чет. и 155.880 пудовъ сѣна. Въ этой-же мѣстности довольствовались еще полки Ахтырскій и казачій Денисова ²⁾. Подобный порядокъ довольствія порождалъ неудовольствія между жителями и войсками. Конфедерации, при распредѣленіи требуемаго количества, всю тягость навалили на помещиковъ, мстя ихъ тѣмъ за противодѣйствіе конфедерации. Не обходилось, конечно, безъ нѣкотораго насилія и несправедливостей со стороны чиновъ, производившихъ сборы. Къ тому-же жители не довѣряли квитанціямъ и жаловались, что у нихъ бралось болѣе, чѣмъ слѣдовало. Генеральная кон-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

федерация на подобную жалобу отвѣтила Брестъ-Куявскому воеводству, въ видѣ утѣшенія: «надобно терпѣть, за то намъ возвращается республиканская свобода» ¹⁾.

Коховскій въ рапортѣ своемъ (отъ 2 дек.) просилъ позволенія самому заготовить на зимніе и лѣтніе мѣсяцы провіантъ и фуражъ для войскъ. Онъ не надѣялся на генеральную конфедерацию, а всѣ частныя такъ просто отказывались въ зимніе мѣсяцы довольствовать армию. Коховскій еще очень безпокоился тѣмъ, что цѣны на все стали со дня на день сильно возвышаться; онъ доказывалъ необходимость заготовить магазины на непредвидѣнный случай и сдѣлать это до весны, до вывоза хлѣба въ Данцигъ, скупкою котораго дѣятельно занимались тогда купцы. Къ тому-же Коховскому, предвидѣвшему возможность усложненія обстоятельствъ и передвиженія войска, было очень важно быть независимымъ и обезпеченнымъ въ дѣлѣ продовольствія вѣрною ему арміи ²⁾.

Такъ стояли войска въ Польшѣ. Тѣмъ временемъ, между тремя державами — Россією, на которой лежала вся тягость войны, Пруссією и Австрією, предпочитавшими болѣе дешевый путь дипломатическихъ переговоровъ и тайныхъ интригъ, состоялось соглашеніе о новомъ раздѣлѣ земель Польскаго королевства. Г. Кречетниковъ 27 марта 1793 года въ м. Полонномъ обнародовалъ объявленіе Императрицы о второмъ раздѣлѣ, имѣвшемъ на поляковъ, успѣвшихъ нѣсколько забыть раздѣлъ 1772 года, дѣйствіе громоваго удара. Отъ тѣла Польши отрывались новые три куска, при чемъ Россіи снова достался худшій, на долю-же вѣроломныхъ нѣмцевъ пришлись лучшія земли.

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос., т. II, 190.

²⁾ Мос. арх. оп. 199, св. 35.

Глава IX.

Волненія въ Польшѣ.—Неповиновеніе Мадалинскаго и начало востанія.—Силы русскихъ въ Варшавѣ.—Подготовленіе революціи.—Распределеніе русскихъ войскъ въ городѣ.—Взрывъ революціи.—Участіе въ ней жителей.—Нападеніе польскихъ войскъ.—Попытки пробиться къ Игельстрому.—Отступленіе части войскъ изъ города, встрѣча съ «народовой кавалеріею».—Положеніе Игельстрема.—Распределеніе войскъ вблизи квартиры главнокомандующаго—Взятіе въ плѣнъ Воура.—Второй день революціи.—Отступленіе изъ города.—Потери.—Опасность, грозившая плѣннымъ.—Волненія въ Варшавѣ послѣ отступленія русскихъ.—Казни.

Послѣ разгрома русскими Польши въ 1792 году, политическій строй этого злосчастнаго государства, залогъ всѣхъ бѣдъ и причина его паденія, не только не улучшился, но даже сдѣлался хуже. Съ отмѣною конституціи 3 мая, рушились нѣкоторыя благія начинанія, и Польша, по желанію сосѣдей, вернулась снова на свой прежній гибельный путь свободнаго избранія короля и знаменатаго своими пагубными послѣдствіями *liberum veto*. Новое возстаніе и новые безпорядки въ королевствѣ не трудно было предвидѣть. Присутствіе русскаго войска, о выводѣ котораго поляки не однократно просили, и ударъ, нанесенный имъ сосѣдями, вторично, при жизни еще, подѣлявшими наслѣдство умирающей Рѣчи Посполитой, служили къ тому поводами. Подготовленіе возстанія не замѣтилъ только суровый, но довѣрчивый русскій главнокомандующій Г. Ан. баронъ Игельстромъ ¹⁾, которому прежде всѣхъ то и слѣдовало о томъ знать, какъ человѣку, призванному охранять русскіе

¹⁾ Баронъ Игельстромъ соединилъ въ себѣ должность русскаго посланника съ званіемъ главнокомандующаго русскими войсками, находившимися въ областяхъ, которыя не отошли ни къ Россіи, ни къ Пруссіи по 2-му раздѣлу.

интересы въ странѣ. Распускаемая въ то время, въ силу постановленія Гродненскаго Сейма, польскія войска, оставшись безъ занятій, являлись готовымъ и хорошимъ матеріаломъ для образованія мятежной арміи. Часть-же польскихъ солдатъ, записанныхъ въ русскую службу, постоянно дезертировала, унося съ собою оружіе, и тѣмъ увеличивала только силы возставшихъ поляковъ. Къ половинѣ марта 1794 года долженъ былъ окончиться роспускъ войскъ, превышавшихъ опредѣленное число. Неповиновеніе Мадалинскаго, бригадира народной кавалеріи, отказавшагося распустить свою бригаду (2—3 тыс.), послужило сигналомъ къ открытому возстанію. Мадалинскій занялъ Остроленку и рапортомъ въ войсковую комиссію донесъ, что онъ отказывается исполнить постановленіе сейма ¹⁾. Дѣятельнымъ его помощникомъ въ томъ былъ ротмистръ легкой кавалеріи полка кн. Виртемберга Зборовскій ²⁾. Съ мѣста своей стоянки Мадалинскій двинулся обходнымъ путемъ чрезъ Сухачевъ, Раву и Сандомиръ къ Кракову, присоединяя къ себѣ на пути польскіе батальоны. Въ древней польской столицѣ было учреждено революціонное правительство. Инсургенты толпами стали собираться подъ знамена Генерала Косцюшки, у котораго вскорѣ образовалась сильная армія, составленная къ тому же изъ хорошихъ и опытныхъ солдатъ. Гетманъ Ожаровскій, получивъ рапортъ Мадалинскаго, своею деклараціею (отъ 22 мар.) объявилъ его и Зборовскаго бунтовщиками. Декларація обвиняла ихъ въ томъ, что они самовольно, вопреки предписанію своего начальства, поднявъ знамя бунта, ушли съ своихъ квартиръ и повергнули тѣмъ край въ большую опасность. Декларація Ожаровскаго, сторонника Россіи, призывала Мадалинскаго и Зборовскаго даже на судъ войсковой комиссіи ³⁾.

¹⁾ Pismo peregozdyne korrespondenta 1794 г. № 25, отъ 29 мар., ст. 513.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

Для преслѣдованія Мадалинскаго были посланы генералы Денисовъ и Тормазовъ, у которыхъ было около пяти тысячъ человекъ. Косцюшко, бросившись изъ Кракова на помощь Мадалинскому, одержалъ полный успѣхъ, разбивъ Тормазова подъ Рославицами (24 марта). Этотъ незначительный первый успѣхъ воспламенилъ величайшимъ энтузіазмомъ поляковъ, склонныхъ вообще ко всякаго рода увлеченіямъ. Возстаніе, актъ котораго предъ тѣмъ былъ подписанъ въ Краковѣ, сдѣлалось гласнымъ. Послѣ этого Косцюшко, облеченный властью диктатора (16 марта), объявилъ возваніе, призывая народъ принять участіе въ поголовномъ возстаніи, обѣщая ему улучшение его тяжелой участи, хотя самъ Косцюшко и не надѣялся на успѣхъ начинавшейся войны.

До этихъ событій, выяснившихъ положеніе дѣлъ, Игельстромъ, усиленный всеильными чарами красоты гр. Залусской и увѣреніями окружившихъ его поляковъ, ничего не предпринималъ. Онъ упустилъ даже изъ своихъ рукъ главнаго агитатора возстанія—башмачника Килинскаго, на котораго сдѣланъ былъ ему доносъ. Въ Варшавѣ въ то время польскихъ войскъ было около 4 тысячъ (2 бат. коронной гвардіи, 2 бат. полка Дзялынскаго (600 челов.), 5 кононирскихъ ротъ, 6 ротъ разныхъ наименованій, 8 эск. конной гвардіи, народной конницы и королевскихъ уланъ)¹⁾. Въ рукахъ у нихъ были всѣ болѣе важные пункты города, а также арсеналъ и пороховой погребъ. Русскихъ-же войскъ предъ возстаніемъ Мадалинскаго было тамъ всего только 6 ротъ пѣхоты, но и тѣ стояли за Вислою, въ предмѣстіи Прагѣ. Когда-же Игельстромъ убѣдился, наконецъ, въ своей ошибкѣ относительно спокойствія въ краѣ, то, по его распоряженію, къ Варшавѣ были подвинуты русскія войска изъ окрестностей и изъ-подъ Бреста (10 бат. гренадеръ Сибирскаго и Кіевскаго полковъ и Екатеринославскихъ егерей и 2 легко-конныхъ полка—Харьковскій и Ахтырскій²⁾); каза-

¹⁾ Н. Костомаровъ. Посл. годы Рѣчи Пос. т. II, ст. 448.

²⁾ Ibidem, ст. 449.

тій полкъ Денисова, два казачьихъ эскадрона и отрядъ конвойныхъ казаковъ). Сдѣлавъ это необходимое распоряженіе Игельстромъ счелъ почему-то нужнымъ не вводить всѣхъ войскъ въ городъ. Онъ расположилъ подвинутые полки, чтобы не нарушать спокойствія жителей, по предмѣстіямъ— въ Прагѣ, Волѣ и по окрестнымъ деревнямъ. Ближе къ Варшавѣ были расположены, въ видѣ главныхъ силъ, 8 бат., 2 легко конныхъ полка, полкъ казаковъ и 20 орудій¹⁾.

Въ спокойной, по видимому, Варшавѣ шла между тѣмъ дѣятельная подпольная работа; въ арсеналѣ лились днемъ и ночью пули и готовились другіе воинскіе припасы. Башмачникъ Килинскій велъ свою пропаганду между ремесленниками и торговцами и велъ ее довольно открыто. Въ заговорѣ участвовали также польскія войска, расквартированныя въ городѣ. Особенно между ними отличался распущенностью полкъ Дзялынскаго, котораго побаивались сами поляки. Этотъ полкъ первый присягнулъ конституціи 3-го мая и былъ ярлымъ противникомъ тогдашняго порядка вещей. Тайная подпольная дѣятельность агитаторовъ возстанія перешла въ явную послѣ того, какъ въ Варшавѣ узнали о побѣдѣ, одержанной Косцюшкою подъ Рославицами. Тогда Игельстромъ распорядился ввести войска въ самую столицу, но всетаки большую ихъ часть оставилъ на Прагѣ, за Вислою, откуда ихъ поляки легко могли не пропустить. Всего, по польскимъ извѣстіямъ, ко дню революціи русскихъ войскъ въ городѣ было 7600 человекъ, кромѣ подошедшихъ подкрѣпленій во время самой уже революціи²⁾. Войска эти состояли изъ гренадерскихъ полковъ Сибирскаго и Кіевскаго, Екатеринославскихъ егерей, команды конвойныхъ казаковъ, орудій полевой артиллеріи и Харьковскаго легко-коннаго полка въ составѣ 5-ти эскадроновъ подъ командою бригадира Карла Федоровича Боура. Полкъ съ 1793 года былъ расположенъ въ

¹⁾ Воен. Уч. арх. ст. I, № 4958.

²⁾ Korrespondent... № 38, ст. 834.

Мазавецкомъ воеводствѣ въ окрестностяхъ мѣс. Гройцы, состоя въ числѣ войскъ барона Игельстрома, въ корпусѣ Г. П. Апраксина и въ бригадѣ Г. М. Тормазова. Изъ Гройцы, въ концѣ февраля, когда начались замѣчаться нѣкоторые волненія, Харьковскій полкъ былъ подвинутъ къ Варшавѣ и расположенъ на виллы-квартирахъ въ с. Раковицѣ, лежащемъ въ 4 верстахъ отъ города. А въ концѣ марта, когда Игельстромъ счелъ, наконецъ, нужнымъ усилить гарнизонъ, Харьковскій полкъ былъ введенъ въ самый городъ, гдѣ и поступилъ подъ начальство Г. П. Апраксина, назначеннаго главнымъ комендантомъ варшавскаго гарнизона. Полкъ Харьковскій, при вступленіи въ городъ, считалъ въ рядахъ своихъ 988 человекъ всѣхъ комплектныхъ чиновъ (штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 25, унтеръ-офицеровъ 66, рядовыхъ 791, трубачей 13, нестроевыхъ 92) и лошадей строевыхъ и подъемныхъ (97)—1004 ¹⁾, да 163 человека сверхкомплектныхъ и прикомандированныхъ (штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ 38, унтеръ-офицеровъ 34, 76 нижнихъ чиновъ строевыхъ и 8 нестроевыхъ) ²⁾. Это число людей въ полку составляло исключительное явленіе, ибо въ письмѣ своемъ къ Румянцеву президентъ Военной Коллегии гр. Салтыковъ писалъ, что «число войскъ у насъ вездѣ велико на бумагѣ, а въ сущности едва на половину есть» ³⁾.

По распоряженію Апраксина, главнаго коменданта, стоявша въ Варшавѣ войска должны были, въ случаѣ тревоги, занять восемь назначенныхъ имъ пунктовъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились одинъ отъ другаго въ значительномъ

¹⁾ Мос. арх. оп. 199, св. 37. Рапортъ Игельстрома за февраль.

²⁾ Ibidem. рапортъ за мартъ.

³⁾ Воен. Сбор. 1893 г., кн. 10, ст. 197.

Прим. Харьковскій полкъ былъ въ Польшѣ въ числѣ 5 эскадр.; 6-й его эскадронъ оставался въ Харьковѣ на постоянныхъ квартирахъ. Штабъ тогдашняго легкоконнаго полка въ составѣ 6-ти эск. былъ въ 1047 чел. всѣхъ чиновъ. Не грѣшить-ли рапортъ Игельстрома, показывая въ 5-ти эск. комплектныхъ чиновъ 988?

разстояніи ¹⁾. Кроме того, по городу было разставлено въ разныхъ мѣстахъ много небольшихъ отрядовъ. Разбросанныя по Варшавѣ, въ которой считалось тогда 120 тысячъ жителей, русскія войска, не снабженные къ тому-же точными инструкціями, что онѣ должны были дѣлать на случай возстанія, подвергались опасности быть уничтоженными по частямъ. Въ силу распоряженія коменданта, Харьковскій полкъ раздѣлялся такъ: одинъ его эскадронъ долженъ былъ находиться при главной квартирѣ барона Игельстрома, на Медовой улицѣ; два эскадрона поступали подъ начальство Маіора Каменева и остальные два подъ начальство Подполковника Харьковскаго-же полка гр. Игельстрома. Къ костелу Св. Креста назначался 1-й баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полка Подполковника Гагарина для занятія Краковскаго Предмѣстія; 2-й баталіонъ того-же полка долженъ былъ стать за Саксонскимъ садомъ, на Гжибовѣ и на ул. Твердой. Къ этимъ двумъ баталіонамъ были прикомандированы два эскадрона Маіора Каменева. Такъ какъ опасались болѣе всего полка Дзялынскаго, который, по мѣсту расположенія своихъ казармъ, могъ прежде всѣхъ сдѣлать нападеніе, то на дорогѣ, по коей ему нужно было проходить, ставился на площади Трехъ Крестовъ (нынѣ площадь св. Александра) Подполковникъ Блюгенау съ баталіономъ Екатеринославскихъ егерей съ семью орудіями, обращенными въ сторону казармъ. Въ другомъ мѣстѣ на той-же дорогѣ, на Новомъ Свѣтѣ, долженъ былъ расположиться Подполковникъ гр. Игельстромъ съ двумя эскадронами. На обязанности этихъ отрядовъ лежало преградить путь полку Дзялынскаго.

Въ неизвѣстности, что имъ угрожаетъ такая страшная опасность, нѣчто въ родѣ Сицилійской Вечери, русскія войска стояли въ Варшавѣ, видя ясно страшное раздраженіе къ себѣ поляковъ, выразившееся во всемъ. Но, не допуская, тѣмъ не менѣе, близости готовой разразиться грозы, мирно

¹⁾ Выписки изъ секрет. донес. ген. Игельс. Вѣст. Зап. Рос. кн. XII-1870 г., ст. 11.

заснули русскіе въ ночь съ 5 на 6 число апрѣля мѣсяца ¹⁾. На слѣдующій день приходился четвергъ-страстной недѣли. Солдаты нѣкоторыхъ частей говѣли, и то торжественное на-строение великихъ своимъ воспоминаіемъ дней и канунъ приближавшагося праздника Св. Пасхи гнали мысль о людской враждѣ, объ убійствахъ и располагали душу всякаго христіанина къ инымъ, не воинственнымъ мыслямъ. Русскіе не допускали, чтобы въ эти великіе дни поляки, всегда такіе религіозные, могли-бы готовить ужасное злодѣйство. Наканунъ этой готовившейся новой Варшавской ночи все, казалось, было спокойно, и городъ, повидимому, погрузился въ обычные сонъ и тишину. Наступила прелестная весенняя теплая ночь. Полная луна своимъ свѣтомъ заливала спящій городъ. Вездѣ было тихо. А между тѣмъ въ этой кажущейся тишинѣ шли послѣдніе приготовления къ рѣзнѣ, распредѣлялись между убійцами роли. Башмачникъ Килинскій съ своими помощниками отдавалъ послѣдніе распоряженія арміи убійцъ, составленной изъ черни и другихъ подонковъ столицы. Польскіе солдаты также не спали въ своихъ казармахъ, готовясь на этотъ разъ вступить не въ открытый бой, какъ прилично воинамъ, а тайно напасть, подобно ночнымъ убійцамъ, на спящихъ и безоружныхъ. Между 4 и 5 часами утра тишина эта вдругъ была нарушена звуками набата, который понесся съ колоколенъ костеловъ Св. Креста, Св. Яна, монастырей Бернардиновъ, Паулиновъ и др. На этотъ разъ колокола звали благочестивыхъ католиковъ не на молитву, а на дѣло иное. Не разъ уже, впрочемъ, католическіе колокола подавали подобный благовѣсть, призывая народъ къ убійствамъ. Съ крикомъ «do broni» повывскакивали на улицу варшавяне и устремились прежде всего къ арсеналу, гдѣ расхватывали оружіе, боевые припасы и пушки. Разбивались также лавки, торго-

¹⁾ По русскимъ архивнымъ источникамъ первый день революціи показанъ 6 апрѣля, тогда какъ польскіе современные—первымъ днемъ показываютъ 5 (17) число.

вавшія оружіемъ, которое и разбиралось. Тотчасъ-же послѣ этого началась ружейная и пушечная пальба. По улицамъ мчалась польская конница, бѣжала пѣхота, съ грохотомъ неслись пушки—войска спѣшили изъ своихъ казармъ, думая застать «москалей» въ распλοхъ. Громъ пушекъ, удары набата, блескъ пламени и неистовые крики народа смѣнили собою только что бывшую тишину. Сонные, полуодѣтые выскакивали русскіе изъ домовъ и спѣшили къ назначеннымъ сборнымъ пунктамъ. Всѣ русскіе войска съ изумительной скоростью стали подъ ружье и были готовы вступить въ бой. Но та неблагоприятная обстановка, въ которую онѣ были поставлены распредѣленіемъ Г. Апраксина, дѣлала положеніе ихъ очень критическимъ. Раздробленные на отдѣльные отряды, окруженные со всѣхъ сторонъ народомъ, онѣ осыпались выстрѣлами изъ оконъ, съ крышъ, не имѣя возможности отвѣчать, такъ какъ не видѣли стрѣлявшихъ.

Въ нападеніи на русскихъ, кромѣ войскъ и вооруженныхъ варшавлянъ, по словамъ современной польской-же газеты ¹⁾, принимали участіе такъ или иначе всѣ жители столицы. Одни сносили боевые припасы, другіе подавали заряженное оружіе, принимали захваченныхъ плѣнныхъ и спѣшили уводить ихъ подъ арестъ. Даже дамы «этотъ полъ такъ чувствительный къ пролітію человѣческой крови», своими нѣжными ручками приходили на помощь убійцамъ. Русскіе плѣнные показывали, что одна такая героиня, стрѣляя чрезъ выбитыя черепицы крыши, ранила капитана и «уничтожила» (zgladzila) болѣе двадцати русскихъ солдатъ. «Итакъ, содѣйствовали и эти милыя созданія (mile stworzenia), помогая своимъ и мужественно свидѣтельствуя, что живутъ для отечества» ²⁾. Кромѣ этихъ тысячъ поляковъ, жителей Варшавы, являвшихся помощниками войскамъ, даже трусливые сыны Израиля, не смотря на свой праздникъ Пасхи,

¹⁾ Korresp. ст. 834.

²⁾ Ibidem.

«сражались съ оружіемъ въ рукахъ», (убивая, вѣроятно, изъ-за угла, или добывая раненныхъ и свидѣтельствуя ихъ карманы). Они помогали артиллеристамъ и исполняли разные порученія. Эти «поляки монсеева закона» (rolacy toj-zesrowego wuznania) въ субботу, не смотря на свой шабашъ (8-го апрѣля) стояли на постахъ и держали патрули¹⁾. Жиды въ рѣзнь этой примѣнили постановленіе Макавеевъ, нѣкогда позволившее имъ нарушать святость шабаша и драться съ неприятелемъ, послѣ того какъ по субботамъ, безъ сопротивленія съ ихъ стороны, сирійцы много ихъ вырѣзали какъ барановъ²⁾. Только на нихъ, вѣдь, въ Варшавѣ никто не нападалъ и рѣзать никто не собирался!

На всѣхъ сборныхъ пунктахъ русскіе подвергнулись нападенію и были сразу отрѣзаны отъ квартиры главнокомандующаго и другъ отъ друга. Начальники русскихъ отрядовъ растерялись, не зная, что имъ дѣлать. Они посылали постоянно къ Игельstromу за приказаніями, но посылаемые адъютанты не возвращались, будучи убиваемы по дорогѣ. Поляки сразу напали на малочисленные пикеты, стоявшіе на улицахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ пушками, поубивали или позабирали въ плѣнъ людей и у нѣсколькихъ пушекъ подрубили колеса. Командиръ бригады Г.-М. Сухтеленъ въ 6 часовъ утра изъ квартиры главнокомандующаго поспѣшилъ къ своей части, получивъ отъ Игельstromа приказанія что дѣлать, но по дорогѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Его подчиненные, не зная того, долго поджидали въ нерѣшимости и посылали его разыскивать. Начальство надъ бригадою вмѣсто Сухтелена принялъ Г.-М. Новицкій.

Польскія войска, поспѣвшія изъ своихъ казармъ, прежде всего заняли арсеналъ и королевскій замокъ, безпрепятственно проходили мимо русскихъ, которые ихъ не трогали, отдавая имъ честь, какъ это дѣлали раньше. Вначалѣ пред-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Книга I Макав., гл. 2.

полагалось, что войска не принадлежали къ бунту черни. Даже Игельstromъ первое время приказывалъ не трогать ихъ. Такъ, полкъ Дзялынскаго безпрепятственно прошелъ мимо Клюгенау, стоявшаго съ Екатеринославскими егерями на площадѣ 3-хъ крестовъ. Пунктуальный нѣмецъ пропустилъ, потому что не было приказанія, хотя къ тому времени обстоятельства выяснились на столько, что въ участіи польскихъ войскъ въ бунтѣ сомнѣваться уже было нельзя. Миновавъ Клюгенау, Гауманъ, командиръ полка Дзялынскаго, шелъ по улицѣ Новый Свѣтъ далѣе, по направленію къ квартирѣ русскаго посланника, и дошелъ до костела Св. Креста. Здѣсь стоялъ Подполковникъ Гагаринъ съ Сибирцами. Находившійся при этомъ отрядъ Г.-М. Милашевичъ не согласился пропустить поляковъ, не смотря на то, что Гауманъ увѣрялъ, будто онъ идетъ по приказанію короля, чтобы содѣйствовать русскимъ противъ мятежниковъ¹⁾. Милашевичъ послалъ къ Игельstromу спросить, что ему дѣлать. Первый адъютантъ не вернулся; второй, посланный съ польскимъ офицеромъ, который бросилъ его по дорогѣ, вернулся раненый и привезъ приказаніе не пропускать полка. Завязалась ружейная и картечная пальба. Русскіе, боровшіеся съ солдатами Гаумана, были осыпаемы также выстрѣлами изъ оконъ и съ крышъ. Если бы Клюгенау, стоявшій теперь въ тылу полка Дзялынскаго, ударилъ на него, то взятымъ съ фронта и тыла полякамъ не сдобровать-бы, и отряды наши могли-бы соединиться. Но дисциплинированный нѣмецъ все стоялъ, ждалъ и ждалъ, ничего не предпринимая. Не одинъ, впрочемъ, Клюгенау въ томъ виноватъ; не подали своевременно помощи первому и Подполковникъ Игельstromъ, и второй и третій баталіоны Сибирцевъ. Но эти части были въ нѣсколько иной обстановкѣ, не такъ благоприятной, какъ Екатеринославскихъ егерей, стоявшихъ въ тылу. Пробыться этимъ отрядамъ къ Сибирцамъ было трудно, да они могли

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. год. Рѣчи Пос., ст. 474, т. II.

и не знать о томъ, что происходило у костела Св. Креста. Первый баталіонъ Сибирцевъ, осыпаемый со всѣхъ сторонъ пулями, долженъ былъ пробиваться куда либо. Тѣмъ болѣе, что Милашевичъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а Подполковникъ Гагаринъ убитъ какимъ-то кузнецомъ, ударившимъ его шиною. Сибирцы съ трудомъ и большими потерями пробились на Саксонскую площадь.

Время между тѣмъ шло въ безпрестанной борьбѣ, русскіе гибли, убиваемые въ разныхъ мѣстахъ города. Не было никакого единства дѣйствій; каждый отрядъ отбивался самъ по себѣ, будучи отрѣзанъ отъ другихъ. О главнокомандующемъ ничего не было извѣстно. Ни отъ него, ни къ нему посланные не доѣзжали. Г.-М. Новицкій находился при батарее, бывшей подъ командою Примьеръ-Маіора Сибирскаго полка Баго. Онъ приказалъ ему съ двумя баталіонами, а Маіору Каменеву съ двумя эскадронами Харьковскаго полка сдѣлать попытку пробиться къ квартирѣ Игельстрома, самъ же отправился, увозя съ собою нужнѣйшія дѣла и казну, къ отряду, стоявшему на крайнѣ города, на валу подъ командою Подполковника Кашталинскаго. Повинуясь приказанію, отряды Баго и Каменева пошли по улицѣ Сѣнной, но были окружены тамъ мятежниками. Въ русскихъ со всѣхъ сторонъ стрѣляли. Подъ выстрѣлами этими гибли люди и лошади. Отряды эти подверглись также выстрѣламъ изъ пушекъ, поставленныхъ около арсенала. Послѣднія находились близъ площади Тлумацкой, по которую выходила улица Длуга. Не имѣя возможности пробиться на Медовую улицу (отъ Сенаторской до Длугой), отряды, потерявъ много людей, принуждены были отступить и присоединиться къ Новицкому. Туда-же пришелъ и Кюгенау со своимъ отрядомъ, такъ и не дождавшись никакихъ приказаній. Усиливъ его пѣхотою и присоединивъ къ нему два эскадрона Харьковскаго полка Подполковника гр. Игельстрома, Новицкій приказалъ ему слѣдовать обратно въ Варшаву и сдѣлать новую

попытку пробиться на подкрѣпленіе главнокомандующаго. Кюгенау вошелъ въ городъ, открылъ сильный пушечный и ружейный огонь по мятежникамъ; но, при всемъ усиленіи, могъ дойти только до Саксонскаго Дворца, гдѣ былъ встрѣченъ перекрестнымъ огнемъ изъ пушекъ. Понеся большую потерю въ людяхъ и, главное, въ артиллеріистахъ, Кюгенау принужденъ былъ отступить и уйти снова на валъ къ Новицкому. Въ этихъ безпрестанныхъ стычкахъ съ революціонерами, въ безполезномъ хожденіи по городу въ толпѣ черни прошелъ весь этотъ ужасный день. О томъ хаосѣ, который былъ на улицѣ и въ которомъ приходилось дѣйствовать нашимъ войскамъ, можно судить изъ слѣдующаго случая: на Крулевской улицѣ отряды Баго и Кюгенау, шедшіе на встрѣчу, принявъ одинъ другаго за поляковъ, начали стрѣлять другъ въ друга.

И такъ, къ вечеру перваго дня отряды Баго, Кюгенау, остатки перваго баталіона Сибирскаго полка, разстроенные и потерявшіе своего начальника, пробились изъ города къ Иерусалимскимъ рогаткамъ. Оттуда бросившись они было на Маршалковскую улицу, но, видя невозможность пробиться по ней, отступили вазадъ, направляясь къ Вольскимъ рогаткамъ и собравшись за городомъ на валу. Почти уже стемнѣло. Русскіе и здѣсь продолжали подвергаться нападѣніямъ бунтовщиковъ, толпы которыхъ, къ тому-же, часъ отъ часу все болѣе увеличивались и начали уже окружать ихъ со всѣхъ сторонъ.

Идти снова въ Варшаву на выручку Игельстрома не было ни какой возможности. Солдаты пробывъ съ самаго разсвѣта этого дня въ напряженномъ состояніи, ежеминутно отбиваясь отъ нападавшихъ революціонеровъ, ничего не ѣли, лошади также были не кормлены и не поены. Новицкій созвалъ всѣхъ офицеровъ и сдѣлалъ общій военный совѣтъ. На немъ было рѣшено, въ виду полной невозможности оказать какую либо помощь Игельстрому, о которомъ ничего къ тому-же не было

известно, покинуть Варшаву и следовать в Корчевь. Городъ этотъ находился на р. Вислѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Варшавы. Въ него, по приказанію Игельстрома, были свезены отъ всѣхъ полковъ гарнизона разные припасы и обозы на случай выступленія войскъ изъ Варшавы; къ тому-же тамъ былъ устроенъ и магазинъ. Это то обстоятельство и повліяло на рѣшеніе совѣта, не желавшаго отдавать всего этого неприятелямъ. Новицкій далъ знать Полковнику Бекленеву и Секундъ-Майору Арапову, находившимся въ д. Козеницахъ, пригласивъ ихъ присоединиться къ нему въ Корчевь ¹⁾.

Во время слѣдованія къ этому городу отступавшихъ изъ Варшавы русскихъ отрядовъ, 2-й эскадронъ Харьковскаго легко-коннаго полка подъ командою Премьеръ-Майора Каменева шелъ въ авангардъ. Войска остановились на привалъ около с. Езерно, Харьковцы, продвинувшись впередъ, раскинули линію сторожевыхъ пикетовъ. Съ нихъ было замѣчено, что къ с. Езерно влеть отрядъ польской „народовой кавалеріи“, силою въ 200 слишкомъ всадниковъ. Какъ оказалось послѣ, они принадлежали къ полку Виртенберга и, подъ командою Полковника Раинко, слѣдили на подкрѣпленіе своихъ въ Варшаву. Каменевъ тотчасъ-же далъ знать на бивакъ принявшему на себя командованіе полкомъ Полковнику гр. Игельstromу. Тѣмъ временемъ польская кавалерія, отбѣснивъ передовые пикеты, двигалась впередъ. Поднявшись на небольшую горку и увидѣвъ эскадроны Харьковскаго полка, а за ними вдаль и бивакъ, она тотчасъ-же свернула въ сторону и быстро направилась къ лежащей въ полумиліи деревнѣ, куда была послана отъ 3-го эскадрона Харьковскаго полка команда фуражировъ. Ей грозила опасность быть отрѣзанною. Полковникъ гр. Игельstromъ, получивъ донесеніе, послалъ въ помощь авангарду 3-й эскадронъ. Каменевъ быстро двинулся съ двумя эскадронами на выручку фуражировъ. Подходя къ деревнѣ, онъ нѣсколь-

ко позади, въ резервѣ, 2-й эскадронъ и, соединясь съ командою отступавшихъ фуражировъ, сталъ подходить къ неприятелю. Поляки выстроили фронтъ, выказывая намѣреніе атаковать наши эскадроны. Желая ихъ предупредить, Каменевъ приказалъ Ротмистру Стратемировичу съ его третьемъ эскадрономъ атаковать поляковъ; 2-му эскадрону слѣдовать за нимъ. Но поляки, увидѣвъ это угрожающее движеніе, не принявъ атаки и, повернувъ назадъ, поскакали къ другой деревнѣ, гдѣ находился Харьковскаго полка одинъ офицеръ, пѣшіе егеря 2-го баталіона, палатонные ящики, поломанныя повозки „строевого“ обоза. Предупреждая и это, Каменевъ послѣшилъ перерѣзать неприятелю дорогу. Въ это время присоединился къ нему присланный въ помощь 5-й эскадронъ Ямбургскаго Карабинернаго полка ¹⁾ подъ командою Ротмистра Врангеля. Каменевъ, построивъ эти три эскадрона „облически, дабы въ разныхъ стороны имѣть возможность строить фронтъ и на случай атаки подкрѣпить одинъ другого“, ²⁾ погнался за неприятелемъ, которому уже отрѣзаны двѣ дороги. Поляки, уклоняясь отъ столкновенія, свернули на третью, лѣвѣею чрезъ небольшой, рѣдкій лѣсъ. Пройдя его на перерѣзъ со своими эскадронами и тѣмъ сблизясь съ неприятелемъ, Каменевъ приказалъ находившемуся въ серединѣ 2-му эскадрону атаковать поляковъ съ фронта, 3-му съ лѣваго, а Ямбургскимъ Карабинерамъ съ праваго фланга.

Стремительно и согласно бросились въ атаку наши эскадроны, сблизивъ поляковъ съ дороги, прижали къ начинавшемуся за нею большому лѣсу, положивъ при первомъ-же столкновеніи слишкомъ 30 человекъ на мѣстѣ. Столько-же изъ нихъ было убито на опушкѣ лѣса, гдѣ неприятель пытался оказать нѣкоторый отпоръ. Но, не выдержавъ долѣе натиска, онъ бросился въ лѣсъ; на-

¹⁾ Письмо Новицкаго къ Денисову. Вѣст. Зап. Рос. вѣ. XII. т. 8. ст. 8.

¹⁾ Полкъ этотъ присоединился къ Новицкому по дорогѣ изъ Варшавы

²⁾ Рапортъ Пр. м. Каменева гр. Игельstromу отъ 10 апрѣля.

ши за нимъ, преслѣдуя его въ лѣсу на разстояніи полумили. При этомъ взято было въ плѣнъ: 1 намѣстникъ, 2 товарища, 1 трубачъ, 15 рядовыхъ и 16 „товарищескихъ знаковъ“¹⁾. Вся потеря поляковъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ—была болѣе ста человекъ. Обозъ непріятельскій былъ взятъ весь. Въ немъ, по показаніи плѣнныхъ „товарищей“, захвачено было Поручикомъ Харьковскаго полка Воеводскимъ „казенныхъ денегъ до 50 тысячъ злотыхъ“, большую часть которыхъ онъ роздалъ, какъ военную добычу, въ то время почитавшуюся собственностью захватившаго, бывшаго съ нимъ нижняго чина. Съ нашей стороны людей убитыхъ не было, ранено-же 3 рядовыхъ; лошадей убито 9, пропало безъ вѣсти 3, ранено 22. Донося объ этомъ всемъ Полковнику гр. Игельstromу, Каменевъ свидѣтельствовалъ о „достойной вниманія и похвалы храбрости“ Ротмистра Стратемпровича, Поручика Воеводскаго, Казановича, Корнетовъ Подонрыгоры, Даря, кн. Дехіо и Ямбургскаго полка Ротмистра Врангеля и кадета Бергаузена, а также и всѣхъ нижнихъ чиновъ²⁾.

Въ Корчевѣ Новпцкій прибылъ 8 апрѣля³⁾. Такимъ образомъ къ концу перваго дня революціи половина Варшавы была очищена отъ русскыхъ войскъ.

На другой ея половинѣ остался главнокомандующій баронъ Игельstromъ, на котораго, съ уходомъ Новпцкаго, нападенія усилились еще болѣе. Игельstromа взрывъ революціи не совсѣмъ захватилъ върасплохъ—онъ былъ предупрежденъ, но, къ несчастью, очень поздно—предъ самымъ уже утромъ. Онъ успѣшилъ разослать приказаніе войскамъ собраться къ нему, но оно опоздало. Игель-

1) Рапортъ Каменева отъ 10 апрѣля, откуда взято все это описаніе.

2) Тамъ-же.

3) Секретное донесеніе Игельstromа. Вѣст. Зап. Рос. 1870 г. кн. XII ст. 11.

stromу совѣтовали пригласить въ городъ отрядъ пруссаковъ, стоявшій подъ Варшавою подъ командою г. Шверина, но онъ, зная крайнее раздраженіе варшавянъ и поляковъ вообще противъ пруссаковъ, считавшихъ ихъ, вполнѣ основательно, главными виновниками раздѣловъ Польши, не рѣшился сдѣлать этого. Прусскій отрядъ (двѣ тысячи чел.) стоялъ около города и самъ безъ призыва могъ-бы подать помощь русскимъ, еслибы искреннее отношеніе къ своимъ союзникамъ было вообще въ правилахъ нѣмцевъ.

Съ главнокомандующимъ было сравнительно не много войскъ—баталіоны Сибирскаго и Кіевскаго полковъ, эскадронъ Харьковскаго и казаки конвойной команды. При немъ находились генералы Апраксинъ, Зубовъ и Писторъ, прусскій посланникъ¹⁾. Отрѣзанный сразу толпами мятежниковъ отъ остальныхъ своихъ войскъ, Игельstromъ посылалъ имъ безпрестанныя приказанія присоединиться къ нему, но онѣ ихъ не получали, посланные были убиваемы, не доѣзжая до цѣли; и ему не было ничего извѣстно, что дѣлается въ городѣ. Стойко отбиваясь отъ мятежниковъ, онъ не теряя надежды, ожидалъ, что въ концѣ все-же удастся какому либо батальону подойти къ нему на подкрѣвленіе, или придуть на помощь пруссаки.

Расположеніе русскихъ и поляковъ въ этой части города начиналось отъ квартиры Игельstromа на Медовой улицѣ и кончалось во дворѣ палаццо Красинскихъ. На этомъ пространствѣ расположеніе враждующихъ сторонъ было приблизительно слѣдующее:

Около самой квартиры главнокомандующаго стояло человекъ 130 пѣхоты отъ разныхъ полковъ и 120 казаковъ; кромѣ этихъ, еще человекъ 40 казаковъ было разставлено сзади квартиры и на улицѣ Подваль. Близъ Бурховскаго палаццо стояло человекъ 50 пѣхоты и нѣсколько кавалеріи при разныхъ штабъ-офицерахъ. На Медовой улицѣ съ г. Зу-

1) Ibidem.

бовымъ противъ пiарскаго конвикта стояло 30 человекъ пѣхоты и нѣсколько кавалерiи. На Длугой улицѣ у Апраксина, какъ коменданта, находились отъ всѣхъ полковъ ординарцы и человекъ 50 пѣхоты. По этой-же улицѣ всѣ гостиницы и болѣе значительные дома были заняты русскими. Около Гданской площади (теперь плацъ Красинскихъ) стояло нѣсколько десятковъ пѣхоты съ кавалерiею и при нихъ три пушки. При такомъ очень неудачномъ распредѣленiи, безъ нужды раздробленныя на много небольшихъ отрядовъ, войска наши были окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ поляками, которые расположились такъ:

Около памятника Сигизмунду III стояли польскiя пушки; отъ Новомѣйской улицы польскiя войска также съ пушками стерегли Подваль, Длугую и Доминиканскую улицы. Отъ арсенала оберегались палаццо Красинскихъ и улицы Налевки, Длугая и Бѣлинская ¹⁾, а Сенаторская улица стереглась отъ Поцiевскаго палаццо. Такимъ образомъ, Игельстромъ былъ окруженъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ, и выхода не было никакого. Ему оставалось или погибнуть, или сдаться, что поляки ему и предлагали. Игельстромъ рѣшительно отвергнулъ постыдныя предложенiя инсургентовъ положить оружiе и сдаться въ плѣнъ, надѣясь все таки на помощь своихъ или пруссаковъ. Въ противномъ случаѣ онъ рѣшился пробиться за городъ ²⁾.

Командиръ Харьковскаго полка Боуръ при первыхъ призвакахъ тревоги съ нѣсколькими ординарцами поспѣшилъ къ Игельstromу увѣдомить его о начинавшихся беспорядкахъ. Онъ такъ и остался послѣ при главной квартирѣ, не имѣя уже возможности пробиться къ своему полку. Въ началѣ возстанiя, около воротъ палаццо Красинскихъ появился отрядъ польскихъ войскъ (силою въ 70 чел. подъ начальствомъ Полковника Гислера), шедшiй съ Праги на свою гауптвахту.

¹⁾ Korresp. стр. 814—818.

²⁾ Вѣст. Зап. Рос. 1870 г., кн. XII, ст. 11.

Игельstromъ выслалъ къ нему Боура спросить, зачѣмъ идетъ эта команда и не въ силу-ли какого либо недоразумѣнiя происходитъ все то въ Варшавѣ, а также, нельзя-ли какъ нибудь уладить ¹⁾. Боуръ, не смотря на то, что былъ посломъ, особа котораго обыкновенно считается священной у всѣхъ народовъ, былъ взятъ этимъ Гислеромъ въ плѣнъ ²⁾. Польскiй источникъ (современная газета «Pismo peryodyczne korespondenta») о взятiи Боура въ плѣнъ говоритъ такъ: на другой уже день по отбитii поляками палаццо Красинскихъ и по выходѣ изъ города Игельstromа, во время общей атаки Гданской площади, Боуръ еще держался среди самаго страшнаго огня и, напрягая послѣднiя силы, отбивался отъ поляковъ. Послѣ-же того какъ почти всѣ бывшiе съ нимъ были убиты, Боуръ будто-бы выѣхалъ на Длугую улицу въ сопровожденiи трубача и, положивъ оружiе, сдался въ плѣнъ съ нѣсколькими десятками людей ³⁾. Но такъ-какъ эта-же самая газета говоритъ, что русскiе тайно готовили «пролитiе польской крови въ Варшавѣ», именно въ ночь съ 17 на 18 число (по новому стилю) апрѣля и что ихъ революцiя есть не болѣе, какъ противодѣйствiе только ⁴⁾, то рядомъ съ этою чудовищной ложью, конечно, могутъ мѣститься и другiя, невинныя въ сравненiи съ нею. Ими переполнена статья, описывающая варшавскую революцiю.

Среди всѣхъ этихъ нападенiй съ одной стороны и мужественныхъ отпоровъ съ другой прошелъ весь первый день, и снова наступила прелестная лунная ночь, не принесшая, впрочемъ, съ собою отдохновенiя сражавшимся. Огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался и всю ночь, вплоть до самаго

¹⁾ Korresp. стр. 817.

²⁾ Ibidem и послужной списокъ Бригадира Боура.

³⁾ Ibidem 831.

⁴⁾ Ibidem, стр. 816.

Примѣчанiе. Нѣчто подобное встрѣчается и у Шлоссера (Ист. XVIII стол. т. 5, ст. 187), который говоритъ, будто Игельstromъ сообщилъ Ожаровскому и Забѣллѣ свой планъ: «18 апрѣля надобно обезоружить всю польскую армию, передавъ казармы, пороховые магазины и арсеналъ русскимъ».

разсвѣта, а съ нимъ снова закипѣлъ ожесточенный бой. Нѣвшіе цѣлый день русскіе, напрягая послѣднія силы, мужественно отбивались отъ многочисленнаго непріятеля, не зная, что они уже въ Варшавѣ остались одни, что другая часть войска уже принуждена была покинуть вѣроломный городъ.

На утро этого дня русскіе еще тѣснѣе были окружены. Въ ту ночь поляки втянули свои пушки на Сенаторскую улицу и поставили ихъ противъ Медовой. Видя невозможность держаться и потерявъ надежду на помощь, Игельстромъ собралъ военный совѣтъ на дворѣ палаццо Борховскаго. На немъ было рѣшено, не видя другого исхода, пробиться за городъ. Сначала Игельстромъ, вмѣстѣ съ Апраксинымъ и Г. Зубовымъ, сдѣлали попытку пробиться на Свентоіерскую улицу (отъ ул. Фрета до ул. Налевки), чтобы оттуда улицей Фрета (отъ ул. Новомѣйской до ул. Францисканской) выйти на Ново-Място. Но на углу этой улицы онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ пушекъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ оконъ и съ крышъ. Нѣсколько разъ Харьковцы налетали на самыя орудія, но, осыпаемые градомъ пуль, по большей части ложились на мѣстѣ. Не имѣя возможности пройти этимъ путемъ, русскіе бросаются въ одну маленькую улицу, разбираютъ заборы и выходятъ на улицу Козла (Kozła отъ ул. Фрета до Францисканской), гдѣ убито ихъ было болѣе 90 человекъ. Оттуда, устилая дорогу тѣлами, пробираются чрезъ улицы Францисканскую и Черную на Бонифратерскую, оттуда за окопы и выходятъ, наконецъ, за городъ, продержавшись тамъ въ непрерывной битвѣ въ теченіи 36 часовъ¹⁾.

Въ Варшавѣ остались небольшія партіи въ квартирѣ Игельстрема и въ другихъ мѣстахъ, но онѣ большею частью погибли или попали въ плѣнъ. Съ главнокомандующимъ вышли изъ города генералъ-маіоры Апраксинъ, Зубовъ,

¹⁾ Korresp. ст. 830.

Писторъ и бывшіе съ нимъ отъ двухъ баталіоновъ Сибирскаго и Кіевскаго полковъ, остатки эскадрона Харьковскаго полка и отъ казачей конвойной команды — всего человекъ 500. Остальные всѣ были убиты, или такъ изнурены, что остались на мѣстѣ¹⁾, не имѣя уже силъ сражаться.

Потери наши въ эти ужасные два дня или, по выраженію поляковъ, «во время этой славной баталіи въ Варшавѣ», по польскимъ источникамъ состояли: изъ болѣе двухъ тысячъ взятыхъ въ плѣнъ, болѣе трехъ тысячъ убитыхъ, изъ нихъ офицеровъ разныхъ чиновъ около 300 и 37 пушекъ, отбитыхъ мятежниками²⁾. По русскимъ источникамъ, изъ числа бывшихъ въ Варшавѣ 7948 человекъ убито было 2265, ранено 121, взято въ плѣнъ 1764, въ числѣ ихъ 161 офицеръ³⁾. Послѣ занятія Варшавы Суворовымъ изъ плѣна были освобождены генералы Арсеньевъ, Милашевичъ, Сухтеленъ, Бригадиръ Боуръ, баронъ Биллеръ, совѣтникъ Давыдовъ и всѣ чины, бывшіе при посольствѣ, заживченные вопреки всѣхъ правъ, кромѣ того, штабъ-и оберъ офицеровъ и солдатъ 1376⁴⁾. Потери поляковъ были также очень велики — русскіе оборонялись отчаяно, что сильно раздражало варшавянъ⁵⁾. Харьковскій полкъ въ этой варшавской революціи потерялъ убитыми 54 человекъ (два вахмистра, 2 квартирмейстера и 50 рядовыхъ. Изъ числа раненыхъ умеръ въ полковомъ лазаретѣ Примьеръ-Маіоръ Булацель) и 130 захваченными въ плѣнъ⁶⁾. Изъ нихъ четыре корнета, быв-

¹⁾ Вѣст. Зап. Рос. 1870 г., кн. XII, ст. 11.

²⁾ Одна изъ пушекъ была прусская, 16-ти фунтовая, отбитая русскими во время Семилѣтней войны въ сраженіи подъ кр. Кюстриномъ; на ней были надписи: спереди «Pro patria i gloria», сзади «Ultima ratio Regis anno 1643» (хотя въ то время въ Пруссіи еще не было короля).

³⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос., т. II, 485.

⁴⁾ Воен. Учен. арх. ст. I, № 1220.

⁵⁾ Шлоссеръ. Ист. XVIII ст., т. 5, ст. 188.

⁶⁾ Командиръ полка, секундъ-маіоръ, 6 корнетовъ, берейторъ, полковой писарь, 4 кадета, 6 писарей, вахмистръ, ротный квартирмейстеръ, 13 капраловъ, ефрейтъ-капралъ, капитанармусъ, штабъ-трубачъ, 2 трубача, литаврищикъ, 10 нестроевыхъ и 93 строевыхъ нижнихъ чиновъ. Полкъ, давая отчетъ (въ апрѣлѣ), дѣлаетъ оговорку,